

Александр Симатов

Шампанское по воскресеньям

Александр Симатов

Шампанское по воскресеньям

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Симатов А. В.

Шампанское по воскресеньям / А. В. Симатов — «ЛитРес: Самиздат», 2015

Неожиданная смерть вдовы банкира никого не удивила. Её старшая сестра заподозрила убийство и наняла детективов. Глава частного агентства и его молодой коллега принялись за дело. Под подозрение попали зять вдовы, племянник и бойфренд внучки. Веский мотив убийства - у внебрачной дочери банкира, но, судя по характеру преступления, его совершил мужчина. По ходу расследования становятся известны пикантные подробности из жизни убитой, но это ни к чему не приводит. Ещё одно убийство совсем запутывает дело. Может быть детективам поможет концепция «Вечного возвращения» Ницше? А почему нет? Главное – выявить значимые ассоциативные связи.

© Симатов А. В., 2015

© ЛитРес: Самиздат, 2015

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	18
Глава 4	25
Глава 5	34
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Глава 1

Морозным январским днём я свернул с улицы в арку дома, оставив позади суетливый неприветливый город. Тоннель, ведущий во внутренний двор, встретил меня ледяным ветром такой силы, будто вздумал проверить на стойкость. Выдержав испытание, я окинул замкнутое пространство двора профессиональным взглядом детектива и, не обнаружив ни души, заспешил в тепло нашей конторы.

Контора ютилась на первом этаже старого, давно не крашеного дома и имела отдельный вход и собственное крыльцо. Над крыльцом меж ярких вывесок наших соседей – «Салон эпиляции» слева и «Восточные сладости» справа – висела не располагающая к шуткам наша неброская: «Бюро частных расследований». Она определённо навевала что-то похоронное. Я отмечал это всякий раз, как вывеска попадалась мне на глаза. Скажу честно: я бы поостерёгся платить за услуги подобной конторы. Более того, рядом с такой конторой я бы не покупал сладости и не выдёргивал волосы. Однако нам с завидным постоянством несут денежные знаки, не считаясь с моим мнением. И моего шефа не смущает вывеска. И соседи не жалуются на недостаток клиентов и покупателей. Вероятно, я чего-то недопонимаю.

Надо сказать, что наши эстетические вкусы с шефом категорически не совпадают. Как-то раз, безуспешно борясь со своим отвратительным настроением и с трудом перенося его хорошее, я предложил шефу новое название конторы: «Детективы Дых-Ных». Дело в том, что его зовут Юрий Львович **Я**ных, а меня – Иван Седых. А ещё я обратил его внимание, что связка «Дых-Ных» произносится на одном коротком выдохе и радует слух. Но от этого названия шеф так скривил лицо, что я сразу догадался, что он хочет стоять впереди. Тогда я пошёл ему навстречу, предложив вывеску «Детективы Ных-Дых». Я понимал, разумеется, что это абсолютная безвкусица и неудобоваримое «Ных-Дых» похоже на бормотание пьяного в подушку. И что трезвому гражданину надо обязательно споткнуться, чтобы произнести этот глухой рык пещерного человека. Но чего не сделаешь для работодателя. Этот вариант шефу почему-то тоже не понравился. Тогда я, теряя терпение, предложил ему полностью рассекретиться заголовком «Детективы Яных-Седых». Тут он разгладил лицо и ответил, что в этом случае, учитывая проникшую на генетический уровень любовь народа к пушкинскому ямбу, наши фамилии – а значит, и его – будут произноситься с ударением на втором слоге. А это в отношении его фамилии неправильно и будет его травмировать. Я тогда, помню, даже растерялся, почувствовав, с каким тонким и ранимым человеком мне выпала честь работать рука об руку, как говорится, и не стал ничего более предлагать.

Короче говоря, как и прежде, мы называемся «Бюро...» и я стараюсь не смотреть на вывеску.

Ситроен Берлинго, жмушийся к нашему крыльцу, совсем занесло. Из его белого толстого панциря, как усики жука, торчали лишь обледенелые щётки. Со всех сторон машину окружала высокая снежная гряда. Мне показалось, что дворник намеренно подгребает к ней снег со всего двора. При таком его количестве имело смысл испытать судьбу. Я достал из кармана тестовый рубль и привычно метнул его ввысь. Рубль покувыркался в морозном воздухе, вернулся ко мне на ладонь и порадовал видом не герба, но остроносой единицы: никуда не еду – Берлинго раскапывать не придётся. О том, что к следующему разу снега будет ещё больше, думать не хотелось. В конце концов, случаются же и в наших широтах – даже в лютном январе – неожиданные оттепели и неудержимое таяние снегов.

Юрий Львович помешан на чистоте, так что я нарочито громко постучал ногами о коврик у входа. После разделся в прихожей и с надеждой потянул носом воздух и прислушался,

определяя, не варит ли шеф на кухне кофе и вообще – не там ли он за поварскими трудами: было время обеда.

Расстроившись, я вошёл в кабинет. Чтобы было понятно: кабинет – это комната в однокомнатной квартире, которую мы арендуем.

Мы поздоровались.

Шеф сидел за бюро в привычной для него позе, наполовину соскользнув с кресла и вытянув ноги. Я не понимаю, как это возможно, когда вам почти пятьдесят. Так сидят юнцы, носящие штаны со спущенной мотнёй и торчащими из них трусами. Я их про себя называю *опущенными*. Мне всегда хочется отдавить им ноги.

Отдельно про бюро, чтобы тоже было понятно: бюро – это такой эфемерный столик на тонких фигурных ножках. Юрий Львович как-то обмолвился, что он инкрустирован ценными породами дерева. Но это ничего не меняет. Если я дам по нему кулаком даже не в полную силу, это, неизвестно как попавшее к нам, произведение искусства мгновенно сложится пополам вместе с инкрустацией. Шеф классифицирует свой стол как *бюро* – и пусть, я с лёгкостью придерживаюсь того же мнения.

Шеф, как обычно, просматривал газету, которую раздают в метро. Это не укладывается у меня в голове. Чем эти наскоро сляпанные тексты могут заинтересовать человека, знающего, например, о пиве абсолютно всё? Только чешских сортов Юрий Львович мог назвать десятка два.

В общем, у меня к шефу немало претензий.

Юрий Львович отложил в сторону бесплатное чтиво и снял очки.

– Присядь, пожалуйста, – предложил он, поглаживая ухоженную бородку, переходящую в обход рта в аккуратные усы. – Тебе нравится имя Полина?

«Началось», – с тоскою подумал я, усаживаясь за стол и включая компьютер. В какие области знаний мы отправимся с ним в этот раз? Или: из каких виртуальных экскурсий мы вернёмся в наш кабинет минут через сорок? Лучше бы он сварил к моему приходу кофе и сделал пару нескучных бутербродов с колбасой, нет – четыре.

Юрий Львович обычно бывает так безобиден и выстреливает вопросом куда-то совершенно в сторону, когда собирается прочитать мне лекцию. Подобное намерение шефа означает, что в голове у него каша из предположений и нет ни одной приличной версии или хотя бы кем-то случайно забытой ниточки, чтобы можно было потянуть за неё и спровоцировать неосторожное поведение подозреваемых, например.

До сих пор не знаю, для чего шефу нужны эти лекции. Вероятно, во время их чтения у него в голове зарождается множество ассоциаций с хитросплетениями расследуемого дела, озаряющих его в последующем долгожданной мыслью. С тем же успехом он мог бы молча покурить травки и не мучить меня своими знаниями. Я бы составил ему компанию. Во всяком случае, мне его лекции точно не нужны, но я вынужден терпеть, потому как на зарплате, а ему непременно нужен слушатель.

Однажды, перед тем как послать меня взглянуть на расчленённый труп в мешке, выловленном из реки, он зачем-то прочитал мне лекцию о кольчатых червях. Я тогда, помню, долго выбирал из двух вариантов. Либо он сожалел, что у содержимого мешка всё устроено не так, как у червей, у которых нарушение одного сегмента тела не влечет за собой гибели всего организма. Или его занимала мысль, что у червей на время появилась разнородная среда обитания и пропитания.

– Мне нравится Полина Виардо, – сказал я первое, что пришло в голову, лишь бы Юрий Львович отстал от меня; я что-то о ней слышал; на самом деле мне нравилась только фамилия.

– А ведь действительно, – глядя на меня, в задумчивости произнёс шеф, – разве могло быть иначе, Иван Сергеевич?

Что он себе там думал, я не знаю. Закончив меня изучать, он спросил, не моргнув глазом:

– Ты её видел? И как давно?

– Смейтесь, смейтесь, – процедил я.

Юрий Львович улыбнулся. Я привык к его снисходительному отношению. Я ждал, когда его удовольствие от моего – пока не проявленного, но им определённо предполагаемого – невежества истлеет и он продолжит.

– Лекции не будет, – сказал он, должно быть, рассчитывая меня обрадовать.

Я поклонился ему в знак признательности, хотя и так уже понял, что вопрос о Полине – это всего лишь очередное чудачество шефа и что для лекции нет оснований: у нас в разработке не было ни одного дела.

– Утром мне звонил Славик, – продолжил Юрий Львович. – Он перебрасывает нам клиента от своих пригородных коллег. Старушке семьдесят шесть лет, но она очень активна и настойчива.

– Что она нам может дать? – бесконтрольно вырвалось у меня.

– Ты вульгарен как вся современная молодёжь.

– Я имел в виду совсем не то, – оправдался я.

– Я, между прочим, тоже... Твоё повышенное внимание к своему мужскому началу мешает тебе воспринимать смысл сказанного в его исходном неискражённом значении.

Я промолчал. Витиеватые изречения Юрия Львовича в мой адрес всегда задевали меня либо своей излишней пространностью, оставляющей широкое поле для неприятных догадок, либо намёком на что-либо конкретное, как сейчас.

– У старушки, возможно, убили сестру, – пояснил шеф. – Судя по материалам, это не исключено. Старушка – единственный настаивающий на расследовании человек.

– Полиции эта обуза, конечно же, ни к чему, – пробурчал я.

– Какая прозорливость... Разумеется, выигрышные дела они оставляют себе... Клиента зовут Екатерина Леонидовна Свешникова. Её сестра... – Юрий Львович заглянул в папку у себя на столе – Светлана Леонидовна Ревун. Пусть клиентка у нас будет бабой Катей... или *старушкой*? А её убиенная или не убиенная сестра – госпожой Ревун.

Шеф в ожидании посмотрел на меня.

– Что, мы уже впряглись? – недовольно спросил я, помня его намёк на моё мужское начало.

– Я этого не говорил, – ответил он. – И почему ты сегодня необычайно груб? Ты случайно не голоден?

Как же отвратительно сознавать, что о тебе всё известно. Или почти всё. И это издевательское «случайно». Как можно быть голодным *случайно* – объясните мне? Можно *случайно* попасть в гости к хлебосольным людям, это правда. Но как можно *случайно* остаться голодным? Мне так захотелось всё это высказать шефу, что я едва сдержался.

Обычно я принимаю активное участие в придумывании условных имён главным фигурантам расследования, чтобы в последующем упростить наше с шефом общение. Но сегодня мне не хотелось этим заниматься; вероятно, я обиделся на шефа за его витиеватое высказывание, перешедшее на личность.

– Ничего не имею против, – официальным тоном сообщил я.

Дождавшись моего согласия, шеф закончил вводную часть:

– Полицейские исполнили все формальности и хотели бы старушку... бабу Катю больше у себя никогда не видеть. Но она ругается и требует довести дело до конца. Она даже не подозревает, что дело никто и не собирался заводить. Замучила их своим удостоверением ветерана труда и медалями. Она не верит, что сестра умерла своей смертью. В общем, Слава просил помочь его коллегам из области.

– Им повезло, что она не фронтовичка, а всего лишь ветеран.

– Да, но одна из медалей у неё за освоение целинных земель! – патетически заметил шеф и с сочувствием посмотрел на меня: он однажды умозаключил, что я не знаю истории советского периода, и с тех пор переживает, что это серьёзно обедняет мою жизнь.

– Напрасно вы на меня так смотрите, я слышал об этом советском проекте по лёгкому срубить пшеницы, – нарочно травмируя его слух, парировал я очередной невысказанный упрёк начальника.

Шеф прикрыл лицо ладонью-козырьком, словно спасал свой чистый взор от вида непристойности.

– Как ты выражаешься...

– И вообще, Юрий Львович, можно подумать, что вы перепаживали целинные степи вместе с бабой Катей на пару. Разве что с медалькой вам обломилось.

А вот это ему понравилось, несмотря на жаргонное «обломилось». Он улыбнулся моей шутке – большая удача!

Что касается Славика, то возразить здесь было нечего. Слава периодически поставляет нам клиентов. Когда мы по желанию шефа встречаемся в каком-нибудь чешском ресторане, Слава нам так сильно завидует, что мы под конец встречи клянёмся, что у нас в кабинете есть место ещё для одного стола и что мы с нетерпением ждём, когда он вольётся в наши ряды. Но как только он созревает для принятия серьёзного решения, его повышают по службе или присваивают очередное звание и запал его гаснет. Но мы на него не в обиде. В следующий раз за пивом он опять нам сильно завидует, и мы снова зазываем его к себе.

– И какая роль отводится нашему бюро? – буднично спросил я, как будто не знал ответа.

– Мы должны отвлечь старушку на себя, хотя бы на время. Если найдём убийцу – если, конечно, он существует, – будет прекрасно.

– Полиция рассчитывает, что баба Катя скоро угомонится?

– Не будем гадать, кто на что рассчитывает, – сказал шеф, давая понять, что пора приступить к делу.

Но я, похоже, действительно обиделся на шефа и спросил:

– Я так понимаю, наша клиентка не кредитоспособна. В связи с этим разрешите всё-таки задать *вульгарный* вопрос?

Шеф подвинул к полированному бюро кресло и сел в него как все нормальные люди.

– Во-первых, достоверно мы этого не знаем. Во-вторых, Иван, тебе что, не выплачивается зарплата?

Мне нечего было возразить. Контора иногда награждала меня премиями, никак не оговоренными нашим с шефом трудовым соглашением. Но все мои попытки найти хоть какую-нибудь разумную связь между временем их выплат и нашим на тот день финансовым состоянием оказывались безуспешными. Так что я не имел возможности пожаловаться, что работа на безденежную старушку лишит меня премии или оттянет момент её выплаты.

– Юрий Львович, за вас обидно, – начал я жалостливую песнь. – И престиж конторы для меня не пустые слова.

Юрий Львович изобразил крайнюю степень безразличия путём сморщивания лица и, предельно осуждая меня, протянул: «Вааяя», так что мне стало неудобно за слова песни. После передал мне через стол тощую папку.

– Вот, возьми. Пяти минут тебе будет достаточно. Это уже моя переработка того, что прислал мне коллега Славы. Я, было, выжал почти всю воду, но потом вспомнил, что ты у нас любишь подробности. Фотографии у тебя на почте.

– Дай вам волю, вы бы оставили единственную фразу о том, что госпожа Ревун таки умерла.

Я продолжал обижаться на шефа, но ему было на это наплевать.

– Не забудь о лупе, – напомнил он мне.

– Всенепременно! – почти прокричал я.
Тут требуется пояснение.

Когда-то давно Юрий Львович учился на филологическом факультете. В процессе учёбы понял, что не готов всю жизнь копать в чужих текстах и что на свете нет ничего лучше, чем быть сыщиком, – видимо, начитался детективов. В результате перешёл на юридический и мечта его сбылась. Мы встретились с ним чуть больше трёх лет назад. Он только что уволился из следственных органов, собираясь организовать собственное дело. А я в то время занимался решением задачи, которой директора школ напутствуют выпускников: «Вы *должны* найти себя в этой жизни!» Школу я окончил давно, но к моменту встречи с Юрием Львовичем долг, повешенный на меня директрисой, так и не исполнил.

Так вот, в начале нашего с ним знакомства Юрий Львович прожужжал мне все уши про то, что лупа и бинокль, вслед за мозгом, – главные инструменты детектива. Можно подумать, что задача детектива заключается в том, чтобы разглядеть что-то у себя под носом или высмотреть что-то вдаль у горизонта. Скажите, пожалуйста, будьте так любезны: а посередине между линией горизонта и собственным носом не надо, что ли, ничего видеть?.. Короче, с тех пор в представлении шефа о нашей работе ничего не изменилось, и он периодически напоминает мне одно и то же, как старая заезженная пластинка. Хотя уже несколько раз отменное владение мною приёмами бокса и боевого самбо, водительское мастерство и способность стрелять с обеих рук из любых положений, а не его *лупа* и *бинокль* спасали нас от неприятностей и позора перед клиентами.

– А я сейчас позвоню приятелю Славы и скажу, что мы берёмся за дело, – подытожил шеф.

Когда мы начинаем новое расследование, шеф, от излишней деликатности, что ли, обставляет всё так, будто мы, посоветовавшись, обоюдно приняли это решение. А я делаю вид, что так оно и было на самом деле. Ничего другого мне не остаётся.

Глава 2

В папке, которую передал мне шеф, покоился лист бумаги с текстом в один абзац.

Утром в понедельник тринадцатого января госпожа Свешникова Екатерина Леонидовна обнаружила мёртвой свою сестру госпожу Ревун Светлану Леонидовну семидесяти одного года в её загородном доме. Дом был закрыт, Свешникова открыла его своим ключом. О встрече с сестрой Свешникова договорилась накануне вечером. Инициатором встречи была Ревун: она предложила провести день вместе и после отметить старый Новый год. Свешникова вызвала полицию и утверждала, что это убийство. Прибывшие на место следователи обнаружили тело Ревун на ковре в каминном зале первого этажа, между креслом и журнальным столом. На трупе был домашний халат и тапочки, нижнее бельё отсутствовало. Рядом с трупом лежала книга. В зале горел верхний свет и лампа на журнальном столе. Предположительно смерть наступила ночью за несколько часов до приезда сестры покойной. Внешний осмотр трупа не выявил следов насильственной смерти. Бригада скорой помощи связалась с лечащим врачом покойной и врач сообщила, что у госпожи Ревун было «не совсем здоровое сердце и риск скоропостижной смерти в результате сердечного приступа был довольно высок». Ни Свешникова, ни приехавшая позже дочь госпожи Ревун Ветрова Елена Викторовна не подтвердили исчезновения из дома каких-либо ценностей. Внучка госпожи Ревун Юлия, чаще других бывавшая в доме бабушки, также не смогла обнаружить какой-либо пропажи. Кошелёк (около одной тысячи рублей), ювелирные украшения, паспорт и прочие документы оказались на месте. Соседи по посёлку ничего подозрительного ни вечером, ни ночью не заметили. Гостевые машины накануне вечером на территорию посёлка не заезжали.

Первое, о чём я подумал, прочитав текст, – что одна старушка констатировала смерть другой старушки, только и всего. И что никаким убийством в этом деле не пахнет и надо свернуть его как можно быстрее, тем более что платить нам, по всей видимости, никто не собирался. Я нехотя обратился к фотографиям: отсутствие материального стимула не способствовало энтузиазму в работе.

Госпожа Ревун лежала на спине и была одета в жёлтый махровый халат, сильно съехавший на правую сторону. На ногах у неё были бежевые тапочки с закрытыми носами и без задников. В разлёте пол халата виднелось обнажённое тело – бельё на трупе отсутствовало. Украшений не было. Повёрнутая вправо голова покоилась на отброшенной в сторону правой руке. Левая рука прикрывала живот. Рядом с телом на ковре лежала закрытая книга.

Интуитивно почувствовав, что книга в данной обстановке выглядит лишним предметом, я задержал на ней внимание. В результате её разглядывания укрепился во мнении, что книга рядом с трупом действительно смотрится как инородное тело. После этой мысли мне в голову пришла ещё одна, более важная: труп на ковре тоже лишний предмет, не вписывающийся в интерьер каминного зала.

Оставив на будущее ничем кроме ощущений не подкреплённые мысли об искусственности представшей картины, я обратил свой взор на лицо покойной и оно меня заинтересовало. Без имеющейся в тексте подсказки я бы затруднился определить действительный возраст госпожи Ревун. Она выглядела гораздо моложе своих лет, намного моложе. Кожа на лице была гладкой и лишь полукружья морщин на шее, усугублённых склонённым положением головы, выдавали её настоящий возраст. Глаза были закрыты, светлые, довольно длинные волосы в беспорядке сбились вниз на правую руку и на затылок, оставив открытой левую половину лица.

Голова была немного наклонена к груди, отчего подбородок, сместившийся книзу и казавшийся из-за этого массивным, натянул кожу щеки.

Затруднительно было рассуждать о красоте госпожи Ревун. Но я мог со всей определённости сказать, что в её лице чувствовалась порода. Было что-то неуёмное, вызывающее в этом лице, может быть – для женского лица – чутьчку грубое. Возможно, именно по причине такого смешанного восприятия оно невольно притягивало взгляд. Кроме того, лежащая на ковре женщина вовсе не выглядела мёртвой. Казалось, стоит приглядеться, и увидишь, как воротник халата на её груди легко поднимается и опускается в такт равномерного дыхания. Я даже подумал, что рассматриваю какое-то диковинное хищное животное, отдыхающее после охоты. И в следующий момент понял, почему мне представился хищник: из-за губ покойной, рельефно очерченных по самому краю едва заметной грядой плоти, и из-за крыльев носа, которым этой самой плоти немного и не хватило, и они ограничивались маленькими вогнутыми дугами.

Увеличив один из снимков, сделанных сверху, я медленно двинулся от головы к ногам в надежде что-нибудь обнаружить. Осмотр ничего не дал. Я лишь обратил внимание на поперечные выпуклости в основании больших пальцев ног. «У покойной деформированы косточки, – догадался я, – такое часто встречается».

На фотографии с боковым снимком на внешней стороне тапочки едва просматривалось округлое пятно непонятной природы. При максимальном увеличении изображения стали видны мелкие трещины и небольшое вздутие кожи. Я выбрал фотографию со снимком другой стороны трупа и обнаружил на второй тапочке аналогичное пятно. Эти пятна пришлось бы точно на места расположения косточек больших пальцев ног, если бы обувь была надета правильно. Но тот, кто надевал обувь на ноги покойной, тапочки перепутал.

Имея в виду эту ошибку, напрашивался очевидный вывод, а простота в начале расследования нам с Юрием Львовичем никогда не нравилась. И ещё меня посетила неприятная мысль, что слишком часто в моей практике первое впечатление о новом деле оказывается неверным.

Шеф только что закончил говорить по телефону и ждал, когда я оторвусь от монитора. Я поднял голову.

– Ну что, тебе помогла лупа?

В его голосе слышались менторские нотки с той самой заезженной пластинки, и я проигнорировал его вопрос.

– Могу сказать, что опасения вашей старушки не беспочвенны.

– Замечательно! – воскликнул он.

Прежде меня коробили подобные возгласы шефа в подобных обстоятельствах. Но однажды, вспомнив, что на свете существуют патологоанатомы, я подумал, что они тоже, наверное, позволяют себе подобную профессиональную радость, будучи наедине с предметом исследований и находя подтверждение предварительным заключениям. После этого я стал относиться к шефу терпимее.

– Что ты обнаружил? – спросил Юрий Львович, подойдя к моему столу.

Я показал ему увеличенные фрагменты снимков и объяснил, что означают пятна с деформированной кожей тапочек.

На ходу оглаживая бороду, он вернулся к себе за бюро и задумался. Я решил воспользоваться паузой и предложить ему прерваться на обед или хотя бы на кофе с бутербродами, но шеф опередил меня.

– Ты не мог бы детально рассмотреть книгу, лежащую на ковре?

– Она видна только на одном снимке. Причём сбоку, со стороны корешка. А что вас больше интересует, автор или состояние?

Шеф посмотрел на меня осуждающим взглядом.

– Понял, состояние, – сказал я, но на всякий случай ответил на оба вопроса: – Корешок Голсуорси выглядит как у новой книги.

– У Голсуорси не может быть корешка, и Голсуорси не может быть корешком, – проворчал он. – Что ты имеешь в виду? *Кореш* Голсуорси – куда ни шло. Но ты опоздал родиться. И даже если бы не опоздал, он не допустил бы в отношении себя подобное панибратство.

Юрий Львович валял дурака. Я давно уже был в курсе, что некто свыше выдал ему однажды лицензию на охрану русского языка и с тех пор шеф борется за его чистоту не покладая рук. Поэтому у семи часов вечера, например, по его версии, не может быть никакого района, *равно* как и области. И цена, например, по Юрию Львовичу, не может быть ни дешёвой – ни дорогой.

Я решил с ним не спорить за неимением шансов на победу.

– Вы считаете, что книга должна иметь какое-нибудь повреждение в виде надломанного угла или что-нибудь в этом роде?

– Не обязательно, но возможно. Человек, труп которого лежит на полу, вероятно, выронил книгу из рук, находясь в положении стоя. В общем, углов книги ты не видишь.

– Нет, не вижу. Вы полагаете, что убийца мог предусмотреть повреждение книги?

– Возможно, хотя маловероятно. Ошибка с тапочками даёт повод усомниться в его предусмотрительности.

– А мне кажется, – возразил я, – что одно из другого не следует. Ошибка с обувью – всего лишь результат поспешных действий.

– Готов согласиться. А зачем ему понадобилась книга? – спросил шеф.

Он меня экзаменовал. Я угадывал это по тону, каким он задавал вопросы. Он спрашивал, как спрашивают, когда заранее знают ответ. Я давно уже – так мне, по крайней мере, казалось – перестал обращать на это внимание.

– Чем-то же госпожа Ревун должна была заниматься в каминном зале поздним вечером или ночью.

– Верно. А не проще было включить телевизор?

– Тоже верно, – подыграл я шефу. – Но убийца знал, что госпожа Ревун любит допоздна читать книги и не смотрит по ночам телевизор. Её поведение не должно было показаться странным. Её родственникам, например.

Шеф удовлетворённо хмыкнул.

– Это надо будет выяснить. Сделай себе пометку, пожалуйста.

Я достал из стола миниатюрный – *походный*, как я его называл, – блокнот и к пожеланию шефа добавил свой вопрос:

– Кроме этого, надо выяснить, имела ли хозяйка привычку ходить по дому без нижнего белья.

– Это тоже отметить. На каком-то снимке я видел кресло. Посмотри, это случайно не кресло-качалка?

– Да, было, сейчас найду. – Я защёлкал мышкой... – Действительно кресло-качалка.

Я знал, что шеф специально навёл меня на кресло, чтобы посмотреть, как я буду рассуждать по этому поводу. Иногда мне казалось, что он играет со мной как кошка с мышкой. Я понимал, что это только для моей же пользы, но самолюбие всё равно страдало.

– Кресло-качалка у камина, что может быть лучшим местом для чтения книги поздним вечером, не правда ли? – промурлыкал шеф.

– Затрудняюсь ответить, шеф, никогда не имел ни камина, ни кресла-качалки в отличие... – начал я и осёкся.

– Ты хотел добавить «в отличие от некоторых», но вовремя спохватился, потому что вспомнил, что не видел у меня дома ни того – ни другого.

– Юрий Львович, у вас ещё и телепатические способности.

Шеф не обратил внимания на мою иронию.

– Так почему труп госпожи Ревун не оказался в кресле?

Я начал размышлять.

– Кресло – это прекрасное место и для чтения более чем естественное. Поэтому желание посадить труп в кресло возможно и было.

– Или даже попытка, – уточнил шеф, – если только преступник был не один.

– Да, ему требовался помощник, – согласился я. – Посадить труп в кресло-качалку в одиночку совсем не просто. От любого неловкого движения кресло едет на своих полозьях по ковру как по маслу. А госпожа Ревун, судя по фотографиям, была высокой и крупной женщиной. И если вы посадили труп неудачно, не слишком ровно, например, или у трупа задрался халат или сбился на сторону, поправить всё это, снова не подняв труп с кресла, практически невозможно. Вот если бы преступников было двое, второй мог хотя бы придержать кресло.

– Достаточно, кубики сложил, – остановил меня шеф.

– Поэтому пришлось положить труп на пол, – закончил я. – На мой взгляд, слишком аккуратно.

– Откуда принесли труп? – спросил Юрий Львович.

– Вероятнее всего, из спальни. Её отравили... Наверное, отравили, – добавил я с сомнением, научившись у шефа избегать категоричных выводов в начале расследования. – Или снотворное. Отравленный человек чувствует недомогание и идёт в спальню.

– Строго говоря, мы с тобой не знаем, куда направляется отравленный человек, – улыбнулся шеф.

– Ищет место, где можно прилечь... Или задушили. Задушить проще на кровати – неожиданно для жертвы, чтобы меньше сопротивлялась, – например, подушкой. Потом труп перенесли в зал.

Шеф не стал меня поправлять, хотя я видел, что ему что-то не нравится в моих рассуждениях.

– Что у нас с одеждой?

– На госпожу Ревун, возможно, надели халат. На всё остальное не было времени, надевать на труп бельё весьма затруднительно. Затем убийца отнёс труп... без тапочек. Или они соскочили по дороге. Тапочки он перепутал, потому что их на самом деле трудно отличить, ну и потому что торопился...

– Не много ли действий? – остановил меня шеф.

– Что вы имеете в виду, Юрий Львович? – заволновался я.

Мне нравилась моя концепция, но я чувствовал, что шеф собирается провести её ревизию.

– Ну и лежала бы она себе там, где её застала смерть. Зачем её потревожили?

Я не очень понимал, куда клонит шеф, и выжидал, когда он приоткроет карты. Да он и сам видел, что мне нужны пояснения.

– Почему бы не оставить труп в покое? Никакой возни с халатом, с тапочками. Не надо труп переносить. Не надо на ходу придумывать для убитой ночное занятие в пустом зале... Зачем перенесли?

– Так чтобы не заподозрили! – воскликнул я, ставя шефа в неловкое положение человека, не понимающего элементарных вещей.

– Ваня, – излишне спокойно начал шеф, – начинают подозревать убийство не потому, где нашли труп – на полу в каминном зале или в кровати спальни. Оба эти места вне всяких подозрений. Если бы труп госпожи Ревун нашли в спальне, это бы выглядело так же естественно, как и в нашем случае с гостиней.

Юрий Львович внимательно смотрел на меня, контролируя процесс усвоения мною его мыслей.

– Начинают подозревать тогда, когда есть повод для подозрений. Как тапочки, например. Именно поводов для подозрений и старается избежать преступник.

– Что вы хотите этим сказать? – растерялся я.

– Я хочу сказать, что перенос трупа в гостиную из другого места – явное излишество. В условиях дефицита времени к такому трудоёмкому действию преступника могли принудить только весьма серьёзные обстоятельства... – Шеф сделал ради меня паузу. – Что вынудило убийцу? – вот вопрос. Зачем он потратил на это время, притом что спешил?

Шеф разрушил мою концепцию, и я оказался без собственной точки зрения. Осознавать это было неприятно, и я ринулся напропалую, не разбирая дороги.

– Значит, ниоткуда её не приносили. Ей дали выпить яду в зале у камина.

– Ваня, Ваня, Ваня... – Юрий Львович с досады замотал головой. – А тапочки? Ну не босая же она пила яд.

– Да сама она их так надела!

– Нет, Иван. Во-первых, тапочки номинально всё-таки разные – левый и правый, – пояснил шеф и усмехнулся, ещё больше заводя меня. – А во-вторых, люди с деформацией суставов больших пальцев ног никогда не ошибаются. Они привыкают к форме обуви и сразу чувствуют разницу. Это как тебе надеть правый ботинок на левую ногу.

Но я не собирался сдаваться и понёс чепуху дальше.

– Она пьяная была, поэтому так их и надела. И никто её не убивал, сердце у неё остановилось.

– Наконец в твоих рассуждениях появилась логика. Поставь, пожалуйста, у себя в блокноте галочку насчёт спиртного.

– Они у неё снялись, когда она падала в гостиную.

Я продолжал упорствовать, а шеф продолжал смеяться.

– Да, когда она падала, то напоследок перед смертью выдала антраша, да так, что тапочки разлетелись в разные стороны, и преступник долго гадал, какой, на какую ногу надевать, но всё равно ошибся.

Отсмеявшись, шеф вытер платком глаза. Я понимал, что он прав. Само по себе место смерти пожилого человека в собственном доме не могло вызвать подозрений, ведь не на шкафу же нашли труп. И если труп перенесли, значит, для этого была веская причина.

– Убийца уводил будущих сыщиков от места преступления, – догадался я.

– Я взял тебя на работу не только потому, что ты не куришь, – с удовлетворением заметил шеф. – Пока это единственное разумное объяснение. От чего он нас увёл?

Захотелось прервать экзамен, воскликнув: «Как будто сами не знаете!»

– Конечно же, от следов. Если это была, например, спальня и её задушили подушкой, на постели должно было что-то остаться.

– В этом случае и на теле тоже, – напомнил Юрий Львович, ожидая возражения с моей стороны.

Я не замедлил ответить:

– На теле необязательно. При удушении подушкой практически все признаки непостоянны. Синюшный цвет лица, например, мог исчезнуть в первые часы после наступления смерти, тем более что труп лежал лицом кверху. А разного рода выделения отмечаются далеко не в каждом случае. К тому же их мог убрать убийца, обработав труп.

Шеф удовлетворённо кивнул мне.

– После встречи с клиенткой мы съездим в посёлок вместе с ней и осмотрим коттедж. Жильё человека хранит большую часть его тайн. Что-нибудь да найдём.

– Найдём, конечно, если возьмём с собой лупу.

Я замечаю за собой, что порой зарываюсь и бываю излишне желчным. Я брякнул про лупу, будучи недовольным самим собой за бездарные предыдущие рассуждения. Шеф легко мог бы поставить меня на место, но не стал этого делать, лишь глаза его опечалились.

Тут меня посетила мысль, которой я поспешил поделиться, чтобы моё едкое высказывание поскорее забылось.

– Если лишних действий, как вы говорите, с избытком, не значит ли это, что преступление заранее не готовилось и произошло в результате стечения неизвестных нам обстоятельств?

– Или пошло не по плану, – заключил шеф и поднялся с кресла. – Мозги надо питать. Предлагаю пообедать, я там кое-что приготовил. Загляни, пожалуйста, к соседям, что-то мне захотелось пахлавы.

Надо сказать, что шеф обладает выдающимися способностями готовить простую и вкусную пищу. Но обрадовался я преждевременно, совсем забыв, что кроме этого он умел в одну секунду всё испортить.

– Пока я буду разогревать обед, и делать салат, займись машиной. Завтра утром поедешь в посёлок на разведку.

Надев дежурные валенки и выйдя во двор с лопатой в руках и недовольством на лице, я окинул сумрачным взглядом двухметровый сугроб у нашего крыльца, достал из кармана всё тот же судьбоносный рубль и метнул его гораздо выше, чем час назад. Получив, несмотря на изменение высоты полёта и частоты вращения, прежний результат, решил, что с завтрашнего дня буду доверяться лишь пятирублёвкам. Потом разгрёб снежную гряду, заблокировавшую наш Берлинго, освободил его от панциря и после купил шефу медовой пахлавы в «Восточных сладостях».

Когда я появился в кухне, стол был уже сервирован. Шеф налил мне в тарелку крем-суп из шампиньонов и, спросив, завтракал ли я, добавил ещё один половник. Надо было сказать ему, что вчера у меня с завтраком тоже не сложилось, но я не сообразил; насыпал в суп чесночные гренки до образования приличной горки и приступил. Суп был изумительным. После него последовала жареная картошка с сочными куриными котлетами и заправленный оливковым маслом салат из помидоров и нарезанного тонкими кольцами белого лука. Мы ели с большим удовольствием, не отвлекаясь на разговоры. За трапезой я простил шефу его поведение в кабинете. Потом у меня был чёрный кофе, а у него – чай с лимоном. От пахлавы я отказался, отчего глаза шефа блеснули радостным огоньком; это была моя благодарность ему за обед.

– За тобой посуда... и блендер не забудь, – сказал шеф, покончив с последним кусочком десерта. – А я пока вызову клиентку на завтра часа на два. Успеешь вернуться?

– Постараюсь уложиться.

– В крайнем случае, начну без тебя.

От этой фразы я встрепнулся как ошпаренный. Нужно было немедленно пресечь эту затею шефа, ставящую меня в положение второстепенного сотрудника.

– А вот без меня, Юрий Львович, пожалуйста, не надо! Обо всём, что происходит без меня, я потом вынужден узнавать из ваших уст, а вы имеете привычку забывать существенные детали и помнить только то, что успело уместиться в вашей голове. В итоге ваша интерпретация полученной информации загоняет мою мысль в русло ваших, уж простите за откровенность, не всегда верных предположений. А это никак не на пользу дела. Иной взгляд высвечивает иные грани, – грандиозно закончил я.

– Иван, ты научился прекрасно излагать свои мысли, я заслушался.

Губы Юрия Львовича, зажатые между зарослями усов и бородки с проседью, порой почти не принимали участия в его улыбках. Вот и в этот раз он улыбнулся мне лишь своими ироничными карими глазами и вышел из кухни, хотя я видел, что он еле сдерживает себя, чтобы не расхохотаться.

Когда я, расправившись с грязной посудой, появился в кабинете, шеф сидел в задумчивости с буддийским божком в руках и поглаживал ему пальцем брюшко, видимо, успокаивая и его и себя или тем самым помогая пищеварению – своему, разумеется.

– С Екатериной Леонидовной я договорился, – сообщил он. – По поводу завтрашнего дня... Сильно не демонстрируй себя, ещё успеешь. Пообщайся с охраной, посмотри, где расположен коттедж в посёлке, соседей не трогай пока. Там, вероятно, живёт богатая публика, а она не любит, когда ей докучают расспросами. Меня интересует, можно ли попасть в посёлок и на участок госпожи Ревун незаметно, то есть нелегально, можно ли на машине близко подъехать к посёлку с какой-либо стороны...

Мне не терпелось внести свою лепту, и я перебил шефа.

– В список ваших интересов я бы обязательно добавил гостей госпожи Ревун. Я не имею в виду родственников. О гостях достоверно осведомлена лишь охрана и более никто. Даже родственники, я думаю, могут лишь догадываться о круге её действительного общения.

После обеда я, как всегда, был в ударе; шеф удовлетворённо хмыкнул и сверкнул на меня поощрительным взглядом.

– И на всякий случай узнай у парней на въезде, не было ли пешеходов в посёлке в тот вечер и ночь, как входящих, так и выходящих.

– Они же там посменно, небось.

– Небось, Ваня, небось, – миролюбиво передразнил меня шеф, – не угадаешь. Хотя можно попробовать. Как они обычно дежурят – сутки через двое?

– Обычно так.

– Они были в то воскресенье, а завтра у нас вторник... – Юрий Львович что-то забормotal, загибая пальцы. – Нам с тобой везёт, завтра у них смена. Вот тебе адрес.

Он протянул мне клочок бумаги.

Рабочий день на сегодня был закончен. Я подошёл к полке, заставленной справочниками, и сдвинул их в сторону: за фальшпанелью в стене у нас был небольшой сейф.

– Иван, – остановил меня голос шефа за спиной, – ты до сих пор не наигрался в эти игры? Зачем он тебе?

Что я мог ответить человеку, который давно не держал в руках оружия? Я как-то предложил ему оценить лекала рукоятки моей компактной Беретты, но он отказался, сославшись на какие-то там принципы.

– Не обижайтесь, Юрий Львович, но вам этого не понять. Мне с пистолетом легче существовать. Моя рука привыкла к нему, он – её продолжение.

Шеф громко фыркнул.

– Я тебя умоляю, только без театральности. «Он – её продолжение». Где ты набрался этой пошлости?

Но тут уж я не выдержал и взорвался.

– Знаете что, Юрий Львович? Если бы вы иногда посещали стрельбища и тир, то знали бы, что все инструкторы, обучая стрелков, произносят эту фразу. При прицельной стрельбе пистолет должен быть *продолжением руки*!

– Ну, ну... разбушевался... Извини, если я тебя обидел... Но пистолет тебе завтра не нужен.

Я не стал спорить, это было бесполезно, и расставил книги на полке в прежнем порядке. Мы попрощались.

Я вышел во двор и завёл Берлинго. Двигатель недолго троил и потом перешёл на равномерный гул. Я выждал несколько минут, поёживаясь от холода. После собрался было ехать, но вспомнил вдруг странный вопрос шефа, с которого он начал нашу сегодняшнюю встречу, и вернулся в офис.

– Юрий Львович, а причем здесь Полина? – с поспешным любопытством спросил я, приоткрыв дверь кабинета.

– Спыхватился, – улыбнулся он. – Славыным коллегам удалось кое-что узнать у нотариуса, хранящего завещание господина Ревуна. После смерти госпожи Ревун, чей брак с мужем

не был, оказывается, зарегистрирован, на наследство мужа, возможно, будет претендовать его внебрачная дочь Полина.

– И какова сумма счастья?

– Господин Ревун долгое время был председателем правления крупного банка, – не ответил на мой вопрос Юрий Львович.

– И это всё? Никаких подробностей в виде чисел?

Шеф осуждающе посмотрел на меня.

– Ты разве не в курсе, что постановления о возбуждении уголовного дела по факту смерти госпожи Ревун в природе не существует? Парни и так сделали невозможное.

– Когда же будет известно содержание завещания?

– Клиентка сказала мне, что завещание будет оглашено после девятого дня, то есть послезавтра. Так по согласованию с нотариусом решили дочь госпожи Ревун Елена и дочь господина Ревуна Полина.

– Почему вы мне сразу об этом не рассказали? – спросил я, начиная злиться и не собираясь скрывать этого.

– Чтобы ты не рассыпал мысли веером, а сконцентрировался на чём-то одном.

Объяснение шефа мне совсем не понравилось. Но появилась возможность ответить в его же стиле, и я не преминул этим воспользоваться.

– «Рассыпал мысли веером...» Юрий Львович, где вы набрались этой пошлости? И ещё: мне кажется, что изолируя меня от информации, вы излишне меня бережёте, – недовольно сказал я и слегка хлопнул дверью.

В машине я включил радио и попытался сосредоточиться на музыке, чтобы отвлечься от деталей нового расследования. Но Берлинго почувствовал, что этим я лишь стараюсь скрыть своё истинное желание и на самом деле тороплюсь, так что к шести часам я был уже дома – в своей маленькой холостяцкой квартире. Первым делом, включив планшетный компьютер, я набрал в поисковике: «Полина Виардо». Через минуту стало понятно, почему шеф решил, что мне должна была нравиться эта особа.

Глава 3

Перед развилкой я сбавил скорость. Прямо шла засыпанная снегом дорога на деревню Вешняки, а направо ответвлялась очищенная асфальтированная дорога в садовое некоммерческое товарищество «Грибное». До коттеджного посёлка, согласно указателю, было триста метров, до деревни – два километра. Мне нужно было товарищество «Грибное» и я свернул направо.

Автоматические ворота на въезде в посёлок были открыты, но путь преграждал шлагбаум. Припарковав машину на гостевой площадке, я направился к домику охраны. Ещё не дошёл до дома, как в заиндевавшем окне за металлической решёткой открылась форточка, и недружелюбный голос изнутри спросил:

– Вы к кому?

– Здравствуйте! Я к вам, надо поговорить.

– А вы кто?

Я протянул в форточку удостоверение частного детектива.

– По поводу смерти госпожи Ревун Светланы Леонидовны.

За окном подумали, крикнули кому-то «Детектив частный!», затем вернули удостоверение, закрыли форточку и открыли дверь.

– Проходите.

Охранник в чёрной униформе и высоких берцах окинул меня настороженным взглядом, что не предвещало лёгкого разговора. После сел за стол и отложил в сторону журнал с кросс-вордами.

В сторожке было жарко и душно. Через открытую дверь из соседней комнаты тянуло табачным дымом и жареными котлетами. Оттуда же невидимое радио негромко делилось последними новостями.

– Не возражаете, если я присяду? – спросил я, с опозданием сообразив, что подобная вежливость здесь крайне неуместна.

– О чём разговор, – буркнул охранник. – Документ есть какой-нибудь?

Я сел у торца стола. Затем протянул охраннику паспорт и демонстративно положил руку на стол так, что рукав куртки слегка задрался. Чуть выше перепонки между большим и указательным пальцами левой руки у меня красовался синий парашют. Я отметил про себя, что охранник обратил на него внимание, и лицо его чуть смягчилось, чего я и добивался.

Парашют у меня появился после службы в десантных войсках. Все мои сослуживцы делали большую наколку на предплечье, а я ограничился маленькой на кисти, помня о том, что я сначала всё-таки выпускник юридического факультета и лишь во вторую очередь солдат-десантник.

Как же я тогда ошибся с выбором места!

Не скрою, наколка упростила мне общение с мужчинами большинства сословий и представителями силовых ведомств, что часто помогало в получении нужной информации. Но я не мог себе тогда – давно, в казарме, сидя на кровати и распластав руку на тумбочке в ожидании окончания экзекуции, – даже представить, каким катастрофическим образом этот безобидный значок усложнит мои взаимоотношения с образованными городскими барышнями. Я до сих пор помню, как моя университетская подружка, впервые увидев парашют, нахмурила умный лобик и язвительно спросила, буду ли я теперь раз в год плавать в городских фонтанах? Я просто рассвирепел в тот момент, едва сдержался и ответил, что, разумеется, буду, но не плавать, а купаться. Это была наша первая после годичной разлуки и последняя встреча.

Охранник переписал данные в журнал и вернул мне паспорт.

– Что интересует?

– Мне нужно пройти на территорию посёлка. Я хотел бы увидеть расположение коттеджа умершей Ревун, – обозначил я минимальную цель своего визита.

– В курсе, что полиция уже была здесь и интересовалась смертью Ревун? – спросил охранник.

Простой на первый взгляд вопрос был с понятным подтекстом и требовал вразумительного ответа.

– Да, я знаю, – начал я неторопливо. – Дело в том, что открылись новые обстоятельства. Родственники покойной обратились к нам, чтобы мы развеяли их сомнения по поводу причины её смерти. Я думаю, что мы подтвердим выводы полиции, только и всего, – твёрдо сказал я. – Работа есть работа, её надо сделать, сами понимаете.

– Надолго к нам?

– На полчаса. Не могли бы показать мне схему посёлка и расположение коттеджей, чтобы я не плутал тут у вас?

Охранник нехотя встал и подошёл к продавленному топчану. Я последовал за ним. На стене над топчаном висела карта СНТ «Грибное».

– Вот здесь мы, – сказал охранник и указал пальцем на коричневый квадрат рядом с углом прямоугольника, обозначающего территорию посёлка. – Рядом ворота, – и он ещё раз помог себе пальцем. – Въезд один, другого нет. А больше здесь пояснять нечего и плутать негде.

Пояснять действительно было нечего: коттеджи располагались в три ряда, разделённые двумя внутренними дорогами.

– А где коттедж Ревун? – спросил я.

– Вот он, тридцать седьмой, – ответил охранник и прижал палец к середине третьей линии.

– А вот это что за буква «М» рядом с вами?

– Это магазин. С мая по сентябрь работает каждый день, а сейчас хозяйка только в выходные приезжает.

– Чем торгует?

– Продукты привозит по заказам жильцов. Ну и так, бытовой мелочью. В общем, что попросят.

В первой линии коттеджей, идущей параллельно обозначенной на карте дороги на деревню Вешняки, располагалась площадка, помеченная буквами «ТЗ». Дорогу, ведущую в деревню, и посёлок разделяли лесопосадки.

– «ТЗ» – это техническая зона? – уточнил я.

– Она самая.

Мы вернулись к столу.

– Скажите, можно ли незаметно попасть на территорию посёлка? – спросил я.

– При желании всё можно, – уклончиво ответил охранник. – Внешний забор высотой два с половиной метра. Подставил лестницу и перелезай. Или ключ подбери к внешней двери.

– К какой двери? – не понял я.

– Участки первой и третьей линий граничат с внешним забором. Большинство из них имеют свои двери. Чтобы можно было выйти в лес, – пояснил охранник, заметив мой недоумённый взгляд, – за грибами или на лыжах покататься. Не тащиться же через главный вход. У дверей внутренние засовы предусмотрены, – добавил он.

– А жильцы средней линии ходят, значит, мимо вас?

– В крайних линиях для них специально сделаны проходы с общими дверями. Не обратили внимания, на схеме они обозначены, – недовольным голосом пояснил охранник.

– Какие-нибудь технические средства охраны периметра используете?

– Они не нужны. Внутренние дороги и внешняя пешая по периметру забора освещены. Ворота на ночь закрываются. Ночью делаем обходы. Хозяева все богатые, у многих свои сто-рожа есть. Я здесь пятый год, не было ни одного случая.

По желваку, вздувшемуся у него на щеке, я понял, что благодатное действие моего пара-шюта подходит к концу и надо торопиться.

– Не вспомните? Вечером или в ночь на тринадцатое, это когда умерла Ревун, никто не проходил на территорию? Или, может быть, выходил?

Охранник задумался и ответил невпопад:

– Ну да, это наша смена была. Только про смерть Светланы Леонидовны мы ничего не знали, мы утром сменились.

– Я про ночь спрашиваю, – уточнил я. – Поздно вечером или ночью никто не проходил?

Из соседней комнаты показался двухметровый бугай в чёрных форменных штанах, белой майке и тапочках на босу ногу. У него было помятое будто после сна лицо.

– Василий Фёдорович проходил, – пробасил бугай, ковыряя спичкой в зубах, – к бабе своей в Вешняки подался. Пальтецо нацепил, как городской, а то не даст!

Бугай засмеялся и после закашлялся.

– В котором часу?

– Точно не скажу. Мы ещё не спали, значит, что-нибудь в одиннадцать.

– А когда вернулся?

– Часов в шесть, наверное? – сказал охранник за столом, оглянувшись на своего напар-ника.

– Да, перед нашим обходом. Как всегда довольный, – с завистью добавил бугай.

– До деревни, между прочим, два километра, – заметил я.

Вынув спичку изо рта, бугай от души захохотал на всю сторожку хриплым прокуренным голосом.

– Ну, если знаешь, где бабу поближе найти, – скажи скорее, я хоть сейчас...

Невольно улыбнувшись в ответ на его заразительный смех, я решил, что пора упростить общение, и подыграл настроению бугая:

– А в посёлке, что же, одни недотроги?

– А мы не пробовали, – продолжал веселиться бугай. – Хозяек коттеджей клеить – себе дороже, за них голову оторвут.

– Так обслуживающий персонал, – не уходил я от темы, стараясь закрепить успех.

– Где персонал твой сейчас возьмёшь? зимой то?

Я подождал, когда он успокоится. Было видно, что он не прочь продолжить разговор на тему любви, но это не входило в мои планы.

– Василий Фёдорович – это кто у нас такой будет?

– Сторож с тридцать восьмого, как раз рядом с твоей Ревун, – объяснил бугай.

В это время за окном дробно застучал отбойный молоток. Я вопросительно посмотрел на охранников.

– Это газовики мёрзлую землю долбят, утечку ищут, – перестав улыбаться, недобрым голосом пояснил бугай.

Я встал из-за стола.

– Спасибо за информацию. Прогуляюсь по посёлку, потом ненадолго к вам, если вопросы появятся.

Из душного прокуренного помещения я поспешил выйти на свежий воздух и, обойдя шлагбаум, оказался на территории посёлка.

Внутренних заборов, служащих для сокрытия частной жизни, можно сказать, что не было: участки были огорожены одинаковыми коваными, насквозь просматриваемыми изгоро-дями с причудливыми завитками и листьями, напоминающими лозы и листья винограда. Я

шёл, разглядывая дома и выбирая самый красивый. В технической зоне рабочие углубляли траншею, идущую от подстанции за забор и дальше. В месте прохождения траншеи пролёт забора был разобран.

Дойдя до конца посёлка, я обогнул крайний участок и оказался на дороге между второй и третьей линией. За внешним забором третьей линии леса не было, на подъём, сколько хватало глаз, уходило снежное поле.

Я остановился перед участком госпожи Ревун.

Коттедж из тёмного кирпича имел два этажа и причудливо изломанную крышу. К его чёрной двери с массивной золотой ручкой вело высокое крыльцо с каменными ступенями, поднимающимися полукругами. Слева от крыльца огромное витражное окно начиналось чуть выше цоколя и заканчивалось аркой под сводом крыши. Разноцветные листья витражей невольно притягивали взгляд и мешали восприятию дома как единого целого. По углам дома и крыльца висели конусообразные стеклянные фонари, запорошенные снегом. Несмотря на красивое витражное окно и блестящий на солнце снег на крыше, дом Ревун показался мне мрачным.

Слева от калитки в углу участка находился гараж. От калитки к дому вела очищенная от снега дорожка. За домом виднелось непонятного назначения сооружение, из-за большого количества окон показавшееся мне оранжереей. Ближе к внешнему забору располагался, по видимому, гостевой дом или, возможно, баня. Всю правую свободную сторону участка занимал сад с круглой беседкой посередине.

Нажав на кнопку у калитки и не услышав звонка, я вернулся к главному входу и по дорожке обошёл весь посёлок с внешней стороны; дорожка была узкой, кроме специальной уборочной никакая другая машина здесь проехать не могла. Со стороны первой линии коттеджей, недалеко от того места, где рабочие углубляли траншею, к дороге на Вешняки через лесопосадки была проложена пешая тропа. Я не поленился и вышел по ней прямо к автобусной остановке. За дорогой сплошной стеной стоял густой ельник.

Когда я вернулся к сторожам, за столом бездельничал уже знакомый мне бугай. Он хихикал, глядя в подвешенный на стене телевизор. Команду на начало смеха ему подавали профессиональным хохотом за кадром.

Я посмотрел на экран. На скамейке парка сидела девица и просила проходящих мимо мужчин помочь ей: она зацепилась тесёмкой на спине за скамейку. Очередной мужчина пытался отцепить тесёмку, платье удивительным образом соскальзывало с девицы, и девица оставалась в одних трусах. Она вскакивала, начинала возмущаться и руками-плетью пыталась прикрыть необхватную грудь нарочито стыдливо и откровенно бестолково. Телевизор начинал хохотать, охранник вторил ему.

Мне захотелось дать бугаю подзатыльник, но я сдержался.

– Не очень отвлекаю? пару вопросов задам? – спросил я и без приглашения сел на стул.

– Секунду! – ответил охранник.

Вовремя вспомнив, что моего парашюта он ещё не видел, я отработанным приёмом выбросил левую руку перед собой, продолжительно посмотрел на часы, будто размышлял над своими планами с учётом их показаний, и озабоченно произнёс:

– Время летит... Ну что, спрашиваю?

Охранник похихикал, поделился со мною сокровенным: «Во! сиськи, а?», оторвался от экрана, взглянул на парашют и выдал мне разрешение:

– Валяй!

– Вы, наверное, знаете всех, кто приезжал к Светлане Леонидовне Ревун в гости. Кроме обслуживающего персонала, конечно, – уточнил я. – Не могли бы перечислить её посетителей?

– С чего вдруг? – спросил бугай и с неохотой выключил телевизор. – Нас же три смены, как мы можем всех видеть?

– Разумеется, тех, кого видели в свою смену, я про другие смены не спрашиваю.

Охранник начал вспоминать. Как выяснилось из его рассказа, Светлану Леонидовну мало кто посещал. Так что я зря достал блокнот, приготовившись делать пометки и узнать о покойной что-нибудь новое: от охранника я услышал лишь известные мне имена.

– А кто чаще всех навещал старушку? – спросил я.

– Может, она и старушка, но на мордашку и вообще очень даже ничего была, – ухмыльнулся бугай и осёкся, заметив мой осуждающий взгляд. – Юлька чаще всех приезжала... Елена Викторовна – та последний год только ездить стала, после смерти Вадима Борисовича... Баба Катя – на все праздники и так просто.

– Баба Катя? – удивился я, услышав условное имя заказчицы наших услуг.

– Ну да, сестра её.

– А Вадим Борисович – это муж Светланы Леонидовны?

Бугай кивнул.

– Когда он умер?

– Да также зимой... в прошлом году.

– Каким транспортом гости Ревун сюда добирались?

– Юльку её парень привозил, толстый музыкант. Дочь на своей машине приезжала, а баба Катя от станции на автобусе добиралась.

– А Полина разве ни разу не приезжала? – задал я приготовленный заранее вопрос.

– Какая Полина? – удивился охранник. – Я не знаю никакой Полины.

– Скажите, а Светлана Леонидовна часто уезжала из посёлка? И с кем?

– Чаще всего с внучкой на их машине. Или с сестрой куда-то отправлялись на такси, может за покупками. А так, чтобы одна – не припомню.

Видя, что бугаю надоели мои вопросы, я заторопился.

– Скажите, зачем Василий Фёдорович ходит к своей любовнице через главный вход, если на дорогу в деревню можно выйти коротким путём через проход в первой линии?

– Для этого надо ключи от общей двери иметь, голова два уха, – легко нагрубил мне бугай, явно сомневаясь в моих умственных способностях.

Он начал меня раздражать. Мне захотелось дать ему по физиономии, но я терпел; это были оплачиваемые Юрием Львовичем издержки профессии.

– У Васиных хозяев их разве нет?

– Конечно есть, только кто их Васе даст?

Тут до меня дошёл смысл всей этой чехарды с ключами и дверьми. Мне бы промолчать, но я успел высказаться.

– Благодаря этому все перемещения обслуживающего персонала за территорию посёлка по желанию хозяев может фиксировать охрана. Верно?

Бугай внимательно посмотрел на меня и, по-видимому, вернул мне им же только что отнятые умственные способности.

– Что ещё хотел спросить, детектив? У тебя последний вопрос.

По его игнорированию моего предположения я понял, во-первых, что угадал и, во-вторых, что вторгся в сферу служебных функций охраны, обсуждать которые со мной никто здесь не будет.

– В какой день рабочие разобрали забор? – спросил я.

После моего вопроса лицо бугая сделалось настолько неприветливым, будто я со всего маху наступил ему на больную ногу. Я даже засомневался по поводу мирного окончания нашей беседы.

Из соседней комнаты появился второй охранник со злым лицом и скрещенными на груди руками. Атмосфера резко накалилась. У них не было никаких шансов против меня, но завершать нашу встречу банальной потасовкой совсем не хотелось. Я реально заволновался, потому что не мог понять, что происходит.

– Парни, я что-то не то спросил?

– Слушай, детектив, тебя интересует покойница с тридцать седьмого или дыра в заборе? – угрожающим тоном спросил охранник из проёма двери.

– Мужики, я ничего не понимаю. Меня интересует только госпожа Ревун и никто больше.

Я старался вернуть разговор в нормальное русло и при этом прикидывал, кого первым пошлю в нокаут. Выбор пал на бугая. Я уже решил, что не позволю ему встать из-за стола.

– Дыра в заборе меня интересует лишь постольку, поскольку в неё на территорию посёлка мог проникнуть посторонний человек.

Охранники переглянулись, переваривая мои слова. Я воспользовался паузой и перешёл в решительное наступление.

– И зачем мне нужна ваша дыра сама по себе?! – повысил я голос. – Можете объяснить?.. Я что, похож на инспектора по дырам?

Я пытался шутить, но они дружно молчали, думая о чём-то мне совершенно недоступном. Я вынужденно продолжил давить на здравый смысл.

– Если забор разобрали после смерти Ревун – это одно. Если до её смерти – это совсем другой коленкор. Чего вы нашли странного в моём вопросе?

По их лицам я понял, что до них дошла, наконец, логика моих рассуждений. Они немного успокоились. Напряжение спало. Охранник в проёме двери опустил руки и принял миролюбивую позу. Бугай кашлянул и сказал:

– Траншеей начали капать сразу после праздников, десятого числа, тогда же разобрали секцию забора.

– Спасибо, мужики, – с облегчением сказал я, хотя, если честно, массивная челюсть бугая начала меня к себе притягивать. – Значит, в день смерти Ревун дыра уже была. Больше мне ничего и не надо знать, – успокоил я хмурых парней и встал, собираясь откланяться. – Телефон охраны на всякий случай дадите?

Бугай достал из стола визитную карточку, напечатанный на ней номер телефона зачеркнул, вписал новый, протянул мне визитку и сказал: «Мы с Лёхой первая смена». Я убрал карточку в карман и перед уходом не удержался от вопроса.

– Парни, без протокола, ничего кроме чистого любопытства. А что вы так на меня ополчились?

Бугай развернулся на стуле ко мне лицом.

– Задолбали нас этой дырой и расследованиями, понял?

И дальше охранники, не стесняясь в выражениях, поведали мне нехитрую историю про зайцев. Эти голодные русаки, обнаружив дыру в заборе, оповестили об этом всю заячью округу и в одну ночь обглодали кору несчитанного количества плодовых деревьев. Пострадали сады в основном на первой линии, но и второй досталось прилично. У председателя товарищества зайцы объели стволы и корни элитных груш каких-то там **пород** неслыханной ценности, отчего председатель пришёл в бешенство. Начались разбирательства. Скандал получился такого масштаба, что в итоге смену охраны, которая дежурила в ту ночь, уволили в один день. Управляющий посёлка пока ещё держится, но и его, вероятно, уволят. Председатель от имени товарищества затеял финансовую тяжбу с газовиками. С тех пор рабочие каждый день после работы закрывали траншеей и пролёт в заборе металлической сеткой, а один из охранников обязательно контролировал, как тщательно они это делают.

Выслушав их рассказ, я вспомнил вдруг об удивительной тишине (отбойный молоток был не в счёт), которая сопровождала меня во время прогулки по посёлку. Надо было проверить это предположение.

– Мужики, а как же собаки? Ни одна собака не почуяла зайцев? Разве такое может быть?

– А во дворах собак ни у кого нет. По уставу товарищества собак во дворах держать запрещено, – объяснил охранник у двери. – Даже мы себе не можем завести.

Я посочувствовал парням, простил им их неприветливость и попрощался. По дороге в офис думал о том, что круг общения госпожи Ревун настолько мал, что просто не из кого выбирать убийцу. Тем более что убийца был мужчиной.

Глава 4

Юрий Львович встретил меня на кухне и предложил перекусить. Должен заметить, что порой он ведёт себя вполне по-джентльменски и заботится о единственном сотруднике.

Я вплотную занялся едой, не поднимая глаз от веток цветущей сакуры на скатерти кухонного стола. Если я сильно голоден, – а это случается довольно часто, – я ем быстро и, как правило, невзирая на окружающих. Эта армейская привычка неотвязно преследует меня и не позволяет шефу считать меня культурным человеком. Вначале он, как мог, боролся со мной, но понял, что усилия его тщетны и бросил это занятие. Сейчас лишь напоминает мне иногда – тет-а-тет, когда мы оказываемся с ним в общих компаниях, – что люди собираются за одним столом в первую очередь для общения, а не для поглощения.

Закинув ногу на ногу и разбросав по диванным подушкам руки, шеф время от времени задавал мне вопросы. Иногда я по своей инициативе что-нибудь ему рассказывал. К концу моей трапезы мы начали неторопливо рассуждать вслух, дополняя друг друга.

– Значит, на машине можно подъехать незаметно только со стороны дороги, ведущей в деревню. Машину можно спрятать в лесопосадке, – сказал шеф, планируя убийство.

– Дорога не освещена. Ночью съехал на обочину и достаточно.

– Место можно заранее наметить, чтобы не застрять в темноте.

– Чтобы не застрять, лучше на внедорожнике с полным приводом, – сказал я.

– Собак нет, дыра есть... – в задумчивости произнёс шеф.

– Дыра – неожиданно подвернувшееся удобство, – добавил я и тут же засомневался: – Хотя...

– Вот именно, – прочитал мои мысли Юрий Львович, – на дыру никто не закладывался. Открыть дверь в заборе – плёвое дело. – И поправил себя: – Если только дверь не закрыта на засов.

– Между прочим, в дом убийца зашёл как знакомый Ревун человек, – уточнил я.

– Ни одного нового фигуранта твоя поездка не прибавила, – сказал шеф.

– Если не считать бойфренда внучки Юлии.

– И если не считать таковыми всех находящихся в ту ночь в посёлке мужчин, от хозяев до охранников, – дополнил он меня. – И этой публике не требовались ни дыра, ни отмычки, ни внедорожник.

– И всех их госпожа Ревун, так или иначе, знала и могла впустить в дом без опаски.

– А мотив? Мотивчик где? – задал Юрий Львович вопрос, и так незримо висевший в воздухе.

– Завтра узнаем, кому и сколько перепало от этой смерти, и у некоторых появится не мотивчик, а полновесный мотив.

– Кому и сколько – это действительно серьёзно. Но мотив засчитывается в качестве такого, если его появление предшествует поступку, – резонно заметил Юрий Львович.

Он желал услышать возражение с моей стороны; я всегда чувствую, когда шеф провоцирует меня.

– Как правило, это так. Но кто-то из фигурантов мог знать содержание завещания. Или догадываться. Или просто надеяться на то, что ему может перепасть солидная часть наследства. Даже этого бывает достаточно, чтобы решиться на преступление.

– Ну что, размяли мозги? – спросил шеф, вставая с дивана.

Мы прошли в кабинет, шеф посмотрел на часы.

– Старушка предупредила, что будет вовремя. Встреть её, пожалуйста, во дворе и помоги подняться.

– Как я её узнаю?

– Нас с тобой каждый день навещают старушки? – спросил шеф. – Я так думаю, что она направится к нашему крыльцу.

Я подошёл к окну и поднял жалюзи.

– Во двор выйди, не ленись, – пробурчал Юрий Львович.

Выходить на мороз совсем не хотелось.

– Я увижу её, когда она покажется из арки.

Через минуту во двор въехало жёлтое VIP-такси, обогнуло детскую площадку и остановилось у крыльца. Водитель открыл заднюю дверь машины, и в глубине салона я увидел старушку с ридикулем на коленях. Некоторое время я гадал «она – не она» и затем сорвался с места, но опоздал. Когда я выскочил на крыльцо, старушка как раз преодолела последнюю ступеньку и теперь стояла у входной двери. Она опиралась на трость, водитель поддерживал её под руку.

– Здравствуйте, Екатерина Леонидовна, – поздоровался я, поглядывая на такси и радуясь, что наша клиентка не похожа на нищую пенсионерку. – Вы, наверное, к нам?

– Здравствуйте, молодой человек, – ответила старушка ровным грудным голосом. – Должно быть к вам.

– Это надолго? – ни к кому не обращаясь, спросил водитель.

– Как получится, – ответила старушка и опёрлась о мою руку. – Ведите меня, где у вас тут.

Я помог бабе Кате раздеться, провёл в кабинет и усадил в кресло у стены, так что она оказалась напротив двери и прохода между нашими с шефом столами. На ней было вишнёвое закрытое платье с длинными рукавами. Дряблую старушечью шею плотно облегалли крупные белые бусы. Две узкие полоски тёмно-вишнёвых губ на бледном морщинистом лице выглядели приклеенной тиснёной бумажкой. Завитые крупным барашком соломенные волосы казались лёгкими как пух. На руке бабы Кати красовался массивный перстень с плоским белым камнем. Было видно, что она готовилась к встрече с нами.

Вытянув руки вперёд, баба Катя упёрла трость в пол прямо перед собой и театрально положила кисти рук на ручку трости так, что белый камень перстня озаглавил эту конструкцию. «Вот это штучка!» – подумал я, будучи уверенным, что сейчас она закинет ногу на ногу и продемонстрирует нам с шефом свои меховые ботики и ножку в ажурном чулке, но этого, к счастью, не случилось. Она просто опиралась на трость, ей было так удобно сидеть.

– Вы, я полагаю, и есть господин **Яных**? – спросила она, сделав правильное ударение в фамилии шефа и внимательно его разглядывая.

Шеф растянул до ушей довольную улыбку.

– Здравствуйте, уважаемая баба...

Имя нашей клиентки застряло у него в горле.

Как это выводило меня из себя... Когда же, наконец, шеф перестанет наступать на эти грабли?... Помню, как однажды я не выдержал и предложил ему прекратить практику по присвоению условных имён фигурантам расследований. Это случилось после того, как шеф совершенно упустил из вида, что выступает свидетелем в зале суда, а не делится со мной своими мыслями в нашем кабинете. В результате этой милой забывчивости он при полном зале заседаний назвал одного из свидетелей – согласно нашей первоначальной классификации – *кидалой*. И это притом, что в ходе расследования нами же была установлена его добропорядочность. Скандал вышел грандиозный.

Я замер в ожидании развития событий.

В следующее мгновение Юрий Львович продемонстрировал отменную сообразительность. Судорожными движениями паралитика он выхватил из кармана брюк платок, прижал его к носу и начал громко заикаться: «Баба... ба... ба-тюшки, что же это такое...», после пробормотал извинения, выскочил из кабинета и принялся чихать в прихожей.

– Здоров ли товарищ ваш? – певуче поинтересовалась старушка, глядя на меня хитрыми серыми глазками.

Мне показалось, что она что-то заподозрила. Очень захотелось рассказать ей всю правду, поощрив тем самым её наблюдательность и сообразительность.

– Не волнуйтесь, – успокоил я её, – здоров сверх меры, сейчас вернётся – сами увидите.

Поломав за дверью комедию, шеф вернулся в кабинет и ещё раз извинился. Потом бросил взгляд в окно, затем, понятно для чего, заглянул в папку на столе и после поднял глаза на нашу клиентку.

– Екатерина Леонидовна, вы бы отпустили такси, разговор может получиться долгим.

– Ничего страшного, подождёт, – почти с вызовом произнесла она, тряхнув головой в подтверждение своих слов.

Мы с шефом переглянулись; шеф не мог не отметить радостного блеска в моих глазах.

– Екатерина Леонидовна, некоторые формальности. Мы должны заключить с вами договор об оказании услуг. Вот он, – и шеф протянул нашей клиентке три листа бумаги. – Вы его прочитайте, пожалуйста, и подпишите.

– Вы обязуетесь найти убийцу моей сестры? – спросила старушка, чуть вскинув голову, отчего соломенные барашки синхронно качнулись назад.

– Не совсем так... – Взяв себя за бороду, шеф задержался с ответом. – Мы обязуемся либо найти убийцу, либо представить аргументы, доказывающие, что ваша сестра умерла своей смертью.

– Её убили, – твёрдо сказала баба Катя и легонько стукнула тростью об пол.

– Мы всё выясним. Давайте закончим с договором, – предложил шеф.

Я заметил, что он начал нервничать.

Возражений со стороны клиентки не последовало. Она надела очки, отыскала в сумочке паспорт и ручку, затем пробежала глазами по первой странице договора, открыла последнюю страницу и обвела нас подозрительным взглядом.

– Откуда вам известны мои паспортные данные? – недовольно спросила она.

– Ваши паспортные данные нам передала полиция, – пояснил шеф.

– Конечно... разумеется... бездельники! – сказала баба Катя, видимо всё-таки не про нас с шефом, и подписала договор.

Старушка демонстрировала характер. Это было очевидно и это надо было иметь в виду. Вежливая улыбка исчезла с лица Юрия Львовича, он посерьёзnel.

– Вы обратили внимание на стоимость наших услуг?

– Разумеется, – с легкостью ответила баба Катя.

– Но это просто соблюдение формальностей, не более того. Мы не можем указать в договоре нулевую стоимость. Мы займёмся вашим делом бескорыстно, принимая во внимание...

«Что он несёт?» – только успел подумать я о шефе, как старушка тут же со мной согласилась, перебив его:

– С какой это стати, Юрий Львович? Я правильно вас назвала?

– Правильно, Екатерина э... Леонидовна. Понимаете...

– Знаете что, Юрий Львович, – остановила его клиентка жестом руки и поправила перстень. – Давайте оставим в покое эту вашу *Екатерину Леонидовну*. Меня все давно уже зовут бабой Катей. А что касается суммы договора, то она меня устраивает. Бескорыстно мне уже полиция помогла, – добавила она.

Я ликовал, старушка определённо начинала мне нравиться. Что касается шефа, то он, похоже, немного растерялся, что было большой редкостью.

– Хорошо, формальности позади, – подвёл он черту. – Чтобы разговор наш получился конструктивным, мы построим его следующим образом: я буду задавать вам вопросы, а вы будете по существу отвечать на них.

– Чтобы вы смогли задать мне правильные вопросы, я лучше сначала расскажу вам о своей сестре, – возразила она.

Я с интересом посмотрел на Юрия Львовича, гадая, как он поступит. Ещё никому в этом кабинете не удавалось навязать шефу свою волю, несмотря на то, что в нашем гостевом кресле сидели порой весьма солидные господа, готовые платить за наш труд очень приличные деньги. Я размышлял: удастся ли *это* семидесятишестилетней старушке, награждённой медалью за освоение целинных земель?

– Вот что, уважаемая э... Екатерина Леонидовна. – Шеф выпятил нижнюю губу, что было признаком его крайнего недовольства, и убрал её на место. – Вы тут только что нелестно отозвались о полиции. Но сейчас вы находитесь не в полиции, а у меня в офисе. Полиция, будучи на содержании у государства, вам должна, но не обязана. Должна, например, найти убийцу вашей сестры. А я, пока не подписал договор, не должен вам ничего. Но если я его подпишу, то буду вести расследование так, как считаю нужным, именно потому, что подписал договор и обязан. Прошу, пожалуйста, не обижаться.

– Как у вас строго, – с иронией сказала баба Катя и приподняла выцветшие брови. – Делайте, как считаете нужным.

Она вернула шефу листы.

«Уникальная старушенция», – подумал я.

Шеф подписал два экземпляра договора, поставил печати и один экземпляр вручил бабе Кате. По его напряжённому лицу я догадался, что внутри у шефа шла какая-то скрытая борьба.

– У меня был намечен другой план, но я пойду вам навстречу, – сказал он. – Расскажите нам, как вы и хотели, о вашей сестре, только очень коротко. Коснитесь лишь основных вех, так сказать, её жизненного пути. Не надо начинать с девичества, – выдавил из себя улыбку Юрий Львович. – Начните, пожалуй, с её развода с мужем. Я имею в виду отца Елены Викторовны. Почему случился развод и когда. Постарайтесь давать краткие характеристики персонажам вашего рассказа.

– Вы не так упрямы, как полицейские, – похвалила шефа старушка.

Шеф никак не отреагировал на её слова; я видел, что он сдерживает себя – возраст клиентки обязывал; в конце концов, нам нужен был результат.

Старушка в очередной раз поправила перстень, подвигала полосками губ и начала рассказ.

– Светлана встретила Вадима Борисовича на курорте, когда ей было пятьдесят. Она выглядела на сорок – не больше и отличалась удивительной красотой. Вадим уже тогда был богатым человеком и к тому же вдовцом. А муж Светланы Виктор работал в НИИ и приносил в дом крохи.

– Сколько тогда было Вадиму Борисовичу?

– Он на два года старше сестры, значит пятьдесят два. Светлана, не задумываясь, переехала к нему. Она с детства мечтала о беззаботной жизни.

– Что же в таком случае толкнуло вашу сестру в объятия Виктора? Что он мог ей предложить?

– Он учился в аспирантуре её института, подавал большие надежды, но, как потом выяснилось, оказался слабовольным. Недостаточно пробивным, как говорила сестра. И не забывайте, они оба были молоды, и Виктор был красивым молодым человеком.

– За эти большие надежды она и вышла замуж, – заключил шеф.

– Можно сказать и так... Переехав к Вадиму, она развелась с Виктором, рассчитывая, что Вадим на ней женится. Но этого не случилось, и Света оказалась на положении содержанки. Мне кажется, что длительный роман первоначально не входил в его планы, но Свете каким-то образом удалось удержать его при себе.

– Или удержаться при нём, – заметил шеф.

– Через несколько лет от передозировки наркотиков погиб его единственный сын. Вадим страшно переживал, впал в депрессию. Света помогла ему выкарабкаться из этого состояния. И после этого их отношения изменились, они стали ближе друг другу. Вадим, чтобы заглушить боль, целиком отдался работе, Светку носил на руках, она ни в чём не знала отказа.

– Но не женился, – уточнил Юрий Львович.

– Нет, не женился. Но фамилию его Света взяла, уж не знаю зачем. Они переехали в новый загородный дом. Света занималась исключительно собой, по три месяца в году проводила на дорогих курортах. А Вадим много работал и очень быстро, буквально на глазах, старел. Смерть сына не прошла бесследно и сильно его подкосила. Светка обсуждала с пластическими хирургами каждую новую морщинку, а у Вадима стремительно развивалась ишемическая болезнь сердца и появилась одышка.

– А что же её дочь? – поинтересовался шеф.

– Для Ленки развод родителей оказался полной неожиданностью. У неё уже была маленькая Юля на руках. Её муж Игорь Ветров работал тогда у тестя в лаборатории.

– У Виктора значит? – уточнил я, потому что начал путаться в именах и фамилиях.

– У Виктора, у Ленкиного отца. Что-то вроде семейного подряда. Игорь писал диссертацию под руководством тестя и все надеялись, и Светлана в том числе, что, может быть, он пойдёт далеко, что Виктор как-то поможет ему в продвижении.

– Они жили все вместе? – спросил я.

– Да, в одной квартире. И тут случился развод. Виктор любил Светлану. Но когда она уходила, он не стал её удерживать. Он просто-напросто запил. Запил так, что сначала его попросили с должности завлабораторией, а затем вообще из института. Через три года его не стало.

– И Елена Викторовна обвинила в этом свою мать, – сказал шеф.

– Впрямую она не обвиняла, но, во всяком случае, так думала, я уверена в этом.

– И зять понятно как стал относиться к теще.

– Игорь с самого начала невзлюбил её, ещё до смерти тестя. Уж не знаю почему. Было видно со стороны, что он её просто не переваривает, по-другому не скажешь. К слову, он так и не защитился и далеко никуда не пошёл. До сих пор продолжает работать в НИИ старшим инженером. А Ленка окончила бухгалтерские курсы и вот уже пятнадцать лет как тащит на своём горбу эту семью.

– Извините, – прервал старушку шеф, – из вашего рассказа следует, что материальное положение семьи Елены Викторовны в ту пору было незавидным. И это было известно её матери. Что же, мать не помогала им деньгами?

– У неё не было денег.

Наша заказчица посмотрела на нас, оценивая произведённый её словами эффект. Мы молчали, понимая, что сейчас последует разъяснение.

– Её Вадим был скуп не в меру. Но скупость его была особенной. Лично для Светланы он не жалел ничего. Но вот все остальные расходы находились под его личным контролем. Он дал Светлане карточку своего банка и отслеживал все операции. Падчерице он не собирался помогать и не скрывал этого. Это очень обижало Светлану, она устраивала скандалы, но безрезультатно. Она оказалась материально зависимой от Вадима и была вынуждена смириться с этим. Втайне от мужа она выкраивала из своих наличных денег, которые так или иначе попадали ей в руки, некоторые суммы и передавала их дочери. Ленка считала, что мать просто издевается над ней, но деньги брала. Деньги на самом деле были небольшие, а поверить, что у матери их нет, было сложно.

– Мать не пыталась поговорить об этом с дочерью и всё откровенно рассказать? – спросил шеф.

– Она не могла рассказать этого Ленке, это было для неё унижительно.

– А вы не пытались объяснить племяннице действительное финансовое положение её матери?

– Вначале пыталась. Но она ничего не хотела слышать. Её любимая фраза «не смешите меня» могла любого довести до белого каления.

– Но они хотя бы продолжали общаться после смерти Виктора?

– Света не ездила к дочери из-за зятя. Ленка иногда брала с собой Юльку и навещала мать. Но это случалось не часто. Общение почти полностью прекратилось после смерти сына Вадима. Ленка никак не выразила Вадиму Борисовичу соболезнование, и это очень сильно его задело; непонятно, почему он рассчитывал на другое к себе отношение. Я до сих пор помню Ленкины слова: «Ему было плевать на смерть моего отца, а мне плевать на смерть его сына». Вадим сказал Светлане, что больше не хочет видеть её дочь. Только год спустя, после уговоров, Света стала брать к себе внучку.

– Вы были близки с сестрой?

– Да. Во всяком случае, мне всегда казалось, что она была откровенна со мной, многим со мной делилась.

Наша клиентка замолчала. Я посмотрел на часы: она находилась у нас около часа.

– Вы не устали? – спросил шеф. – Может быть, сделаем перерыв?

– Нет уж, давайте лучше продолжим и быстрее всё закончим.

– Не хотите кофе? Или чаю? – предложил я.

– Кофе я свой давно уже весь выпила. И чаю не надо. Водички, если можно, только не холодной... Водителя моего чаем не напоите? – попросила баба Катя.

– Конечно, сейчас позову, – сказал я с долей сомнения в голосе.

– Это сын мой, – пояснила она, почувствовав мою неуверенность. – Мы же к вам прямо с кладбища.

«Вот оно что!» – чуть не вырвалось у меня.

Я спустился во двор, разбудил дремлющего водителя и провёл его в кухню. В кухне показал, где что лежит, разрешил хозяйничать и вернулся в кабинет со стаканом воды.

Баба Катя попила воды и сложила руки на трости, давая понять, что готова.

– Продолжим. Пожалуйста, отвечайте по существу, – предупредил шеф, выждал паузу и после выстрелил первым вопросом:

– Почему вы решили, что вашу сестру убили?

Старушка, не задумываясь, выстрелила в ответ:

– Она всегда носила лифчики, всегда! Даже после душа перед сном. Я думаю, что она и спала в лифчике.

Ответ был коротким и чётким. Судя по выражению лица шефа, лаконичность и логика ответа ему понравились.

– Эта привычка сестры была чем-то вызвана?

– У неё была прекрасная грудь. И она очень следила за собой, очень. Она любила повторять, что красота не должна висеть, красота должна стоять.

Я вспомнил слова бугая из «Грибного» о *мордашке* и подпёр щеку рукой; шеф кивнул мне.

– Ваша сестра делала подтяжки лица? – спросил я.

– Не один раз. Последний раз, кажется, года три назад. И всегда удачно. Она была красивой, я уже говорила, – добавила баба Катя и приложила платок к глазам, после промокнула кончик носа.

Я опустил руку, и шеф, подождав немного, продолжил.

– Кроме отсутствия белья на покойной у вас есть другие аргументы в пользу версии об убийстве?

– Есть. Роман Голсуорси, лежавший на ковре рядом со Светой, моя сестра прочитала ещё осенью.

Вот это был действительно серьёзный аргумент.

– Вы не ошибаетесь?

– Ничуть! – Старушка обвела нас высокомерным взглядом. – У меня проблемы с ногами и зрение ни к чёрту. Но котелок у меня варит не хуже вашего.

Я готов был согласиться с её последним утверждением с той лишь оговоркой, что главный аргумент она по-женски выбрала неверно: надо было начать с книги, а не с бюстгальтера.

– Что ваша сестра читала последнее время?

– Решили всё же проверить, Юрий Львович, да? – осуждающе покачала головой баба Катя и помахала шефу соломенными барашками. – «Театр» Моэма. А до Моэма я видела в её руках маркиза де Сада.

– В доме большая библиотека?

– Да. В кабинете Вадима две стены – сплошь книги от пола до потолка.

– Как вы думаете, каким образом преступника угораздило выбрать из большой библиотеки книгу, прочитанную вашей сестрой осенью прошлого года? – не сумев сдержать улыбки, спросил шеф.

Но нашу старушку совершенно не смутил этот вопрос с очевидным подтекстом.

– Моя сестра была пунктуальна до мелочей кроме, пожалуй, одного: она не относила прочитанные книги сразу в библиотеку, а складывала их в прикроватные тумбочки, пока их не накапливалось изрядное количество. Я не знаю почему, но она ленилась относить их обратно. Я сама это видела. Видимо преступник взял из спальни первую попавшуюся.

Объяснение было понятно, но шеф им не удовлетворился.

– Пусть так. Но читаемую в данное время книгу обычно никуда не прячут, а оставляют на виду. Почему некто не воспользовался именно ею для полного правдоподобия, чтобы вы, например, ничего не заподозрили? Я имею в виду «Театр» Моэма.

Старушка сделала недовольную мину, отчего её лицо ещё больше сморщилось, пожала плечами и вдруг спохватилась:

– Чуть не забыла! – в книге не было закладки. Света всегда пользовалась красивой закладкой из морских водорослей. Она привезла её с какого-то острова. Так что моя сестра не читала перед смертью Голсуорси! – торжественно объявила баба Катя.

Я в этом не сомневался. Шеф, кажется, тоже. Куда подевался «Театр» Моэма? Пока это было не важно.

– Вы кого-нибудь подозреваете в убийстве? – спросил шеф.

– Представить себе не могу, кто бы мог это сделать.

К этому времени все пометки у себя в блокноте я зачеркнул как неактуальные. Остался только один вопрос, и я поднял руку.

– Что у тебя, Иван Сергеевич?

– Где ваша сестра любила читать и когда? – поинтересовался я.

– Днём она могла читать где угодно, хоть на кухне в кресле. А вечером перед сном читала лёжа в постели.

– А кресло-качалка у камина – это не её место?

– Вечером? Нет, давно уже нет... Этот пролет лестницы на второй этаж, эти странные листья в витражах... Она как-то призналась, что после смерти мужа это пустое пространство до самой крыши стало её пугать, особенно по вечерам. Она была психически настолько здорова, что меня удивила её фобия. Она почему-то перестала сидеть у разожжённого камина, хотя раньше очень любила.

– А телевизор по ночам ваша сестра не смотрела?

– Нет, не замечала такого. Она редко его включала. Если только ради музыкальных концертов. Она любила музыку слушать.

Я посмотрел на шефа, и он принял эстафету.

– Вы так подробно обо всём рассказываете... Вы часто навещали сестру?

– Последний год, как не стало Вадима, довольно часто.

– Судя по деталям, которые вам известны, вы, похоже, оставались у сестры на ночь. Это так? – спросил шеф.

– Всегда оставалась, в ночь никогда не уезжала. Чаёвничали с ней допоздна. А утром она меня провожала до автобусной остановки.

– Скажите, а кто ещё кроме вас может иметь представление о жизни вашей сестры в таких же подробностях, как и вы?

– Наверное, никто, – задумавшись, ответила баба Катя.

– Может быть, дочь или внучка?

– Дочь с матерью мало общалась, я уже говорила. Разве что последние годы, когда Вадим не работал, сильно сдал и Светлана начала приглашать Ленку на дни рождения – и так, без повода. Вадим уже не встречал в это, здоровье берёг. Ленка приедет с кислой физиономией, побродит по дому, по саду, заглянет в бассейн, повздыхает, обзавидуется вся – и домой. Лишь после смерти Вадима стала регулярно появляться.

– А внучка Юлия? – напомнил шеф.

– А вот эта зачастила. Я думаю, потягивала деньги с бабки – не иначе. Светлана мне не рассказывала, но я в этом уверена.

– Нам известно, что они иногда вместе уезжали из посёлка на машине Юлиного молодого человека. Не знаете куда?

– Знаю, конечно, за шмотками. Эта вертихвостка помогала Светлане одежду выбирать. Наверняка и ей перепало.

Шеф посмотрел на меня, наступила моя очередь.

– К вашей сестре кроме родственников никто не приезжал. Почему? У неё не было друзей?

– Молодой человек, в семьдесят лет? Иных уж нет, а те далече, как говорится.

– Извините... Вы согласны с тем, что в случае с вашей сестрой невозможно говорить о мотиве убийства, не касаясь финансовой стороны дела? – обозначил я новую тему разговора.

– Разумеется, – сказала баба Катя и придвинула к себе трость; мне показалось, что она совсем устала. – Поиск других мотивов – пустая трата времени. – Она обратилась к Юрию Львовичу: – Только деньги. Один коттедж с участком стоит миллионов пятьдесят. А что уж там ещё – завтра узнаем.

Наступила пауза. Я смотрел на шефа, шеф смотрел на меня. Наша клиентка отпила воды из стакана.

– Вы будете присутствовать при оглашении завещания?

– Обязательно. Нотариус пригласил всех к одиннадцати часам. Он хочет, чтобы всё было гласно, так он сказал.

– А что перепадёт Полине, как вы думаете? – спросил Юрий Львович и наклонился в сторону старушки.

Я почувствовал, как он весь собрался в ожидании ответа; мы даже не знали, известно ли ей, кто это такая.

– Завтра и узнаем, – спокойно ответила она.

Шеф издал непонятный горловой звук и начал тереть бороду. Старушка передала мне стакан и оперлась о подлокотник кресла. Теперь и шеф заметил, что наша гостья устала, надо было завершать беседу.

– На сегодня, наверное, достаточно? – спросил он.

– Да, пожалуй, хватит.

– Вы не возражаете, если мы завтра после встречи с нотариусом заберём вас с собой в посёлок и осмотрим дом вашей сестры?

– Как же я могу возражать, я обязана вам помогать... Как буду себя чувствовать, – добавила она.

Я помог ей встать с кресла. Её энергия куда-то неожиданно подевалась, взгляд потух. Она беспомощно улыбнулась, растянув вишнёвые полоски губ.

– Если только родственнички мои да кровиночка Вадима ключи от дома прямо там, у нотариуса, не отнимут.

– Вот и замечательно, – заворковал шеф, но я не понял, что было для него замечательным. – Не отнимут, даже не думайте об этом и не беспокойтесь. А сейчас вам надо отдохнуть, я понимаю... Извините, девятый день, а мы вас задерживаем... Вы сейчас, наверное, к племяннице? – деликатно спросил он, стараясь напоследок выжать из клиентки что-нибудь ещё.

Она махнула в сторону шефа протестующей ладошкой.

– Господь с вами... Они же мою сестру так и не простили. Особенно муж Ленкин. Как прикажете мне с ними вместе Свету вспоминать?... Мы с сыном вдвоём посидим, помянем.

Старушка заулыбалась вдруг и, приложив сухонькую руку ко рту, будто собираясь выдать нам тайну, перешла почти на шёпот.

– Сашка тётку просто обожал. – Она вскинула бесцветные брови и закачала головой, чтобы нам были понятны чувства её сына. – Подростком влюбился в неё по уши. Мы с отцом не знали, что делать. Целая проблема была. До восемнадцати лет мучился, пока в армию не ушёл.

И баба Катя, мобилизовав остатки энергии, стрельнула в нас напоследок озорными глазами.

– А когда зять вашей сестры Игорь Ветров видел тещу последний раз? – не удержался шеф от вопроса, игнорируя воспоминания нашей клиентки о периоде полового созревания её сына.

– В позапрошлом году на юбилее Светланы, на семьдесят лет. Ленка его уговорила поехать.

– Спасибо за ответы, – закончил шеф.

– Адрес нотариуса оставьте, пожалуйста, – попросил я.

Она порылась в ридикюле, извлекла из него визитную карточку и подала мне. Я списал адрес, помог ей одеться и проводил до такси. Сын бабы Кати поблагодарил меня за чай и на прощание так крепко пожал руку, что мне пришлось в ответ очень сильно напрячь кисть, чтобы она не превратилась в раздавленную лепёшку.

Глава 5

Утро следующего дня выдалось особенно холодным. Шеф обещал подобрать меня в десять, но уже пять минут как опаздывал. У меня начали замерзать ноги, и я принялся при-танцовывать на тротуаре недалеко от входа в метро. Я беспрестанно приподнимался на носки, с нетерпением высматривая его тёмно-красную Шкоду в потоке машин, будто это могло ускорить её появление.

Выбор чешского автомобиля – это у шефа оттуда же, откуда и любовь к хорошему чешскому пиву, – из далёкого прошлого. За время нашего с Юрием Львовичем знакомства я кое-что узнал о нём. Это было непросто. Я воссоздавал историю предков шефа на основании его редких обмолвок и ещё более редких и коротких откровений. Моя любовь к деталям сыграла свою роль: по крупицам я кое-что сумел собрать, дополнив картину игрой собственного воображения, иначе полотно представляло бы собой чередование невыразительных мазков.

Леопольд Венцлович **Я**них, прадед Юрия Львовича, был чешским крестьянином, хотя не исключено, что в роду его перемешались и австрийцы с поляками. Трудовая деятельность его была сугубо мирной: он занимался кормами и выращиванием бычков на мясо. Но это не мешало ему иметь политические воззрения. Что касается этих самых воззрений, то он смолоду заразился национальной идеей создания независимого чешского государства, на протяжении полувека изнывающего от несвободы в составе Австро-Венгерской империи.

Когда началась Первая мировая война, Леопольда призвали в армию, и он с неохотой начал воевать против России. Но воевал недолго, поскольку вскоре подвернулась оказия, и он сдался в плен русской армии. После этого был зачислен в ряды чешской дружины и с энтузиазмом бегал в атаки с винтовкой наперевес теперь уже с востока на запад, веря, что приближает торжество чешской национальной идеи. Даже принял участие в последнем успешном наступлении русской армии в Галиции в июле семнадцатого года, остался в живых и получил на грудь Георгиевский крест.

Входивший в состав русской армии Чехословацкий корпус набрал к концу войны такую силу, что, когда в самой России наступило смутное время смены власти, обнаружилось много желающих заручиться поддержкой корпуса для достижения своих целей. Выслушивая речи агитаторов разных мастей, командование корпуса поочередно склонялось то в одну, то в другую сторону и в итоге приняло решение ни за чьи интересы кровь не проливать, прорываться во Владивосток и оттуда возвращаться в Европу морским путём.

Но дорога через всю Россию оказалась нелёгкой. Так что Леопольду ещё пару лет повоевать всё-таки пришлось и против тех, и против этих, но точно не за себя и уж совершенно точно не за застрывшую в голове по молодости и со временем окончательно выпцветшую национальную идею.

От бесконечной войны, бесконечной Транссибирской железной дороги и бесконечной неразберихи он очень устал и хотел от жизни уже немногого: мира и порядка. И судьба откликнулась на его скромное желание и сделала так, что где-то на железнодорожном разъезде восточнее Байкала, будучи раненым, он по недоразумению был забыт своими товарищами и благополучно отстал от эшелона. Но ему не суждено было пропасть на чужой земле: истекающего кровью Леопольда подобрала одинокая сердобольная женщина. Она привезла его на санях в свою деревню, вытащила из него пулю, после отогрела и накормила. На его счастье, баба ему досталась в результате проклятой войны вдовая и ничейная, так что возражений со стороны местных мужиков не последовало.

Немного оклемавшись, Леопольд для начала разобрался с принципиальным для себя вопросом. Прежде успокоив свою встревоженную русскую бабу смесью ласковых слов из двух

языков, он, прихватив с собой винтовку, углубился в ближайший лесок и остановился возле неохватной лиственницы. Затем взял за конец ствола свою винтовочку, до того времени пять лет кряду изрыгавшую огненную смерть, размахнулся от души три раза и за тройку гневных ударов раскрошил это орудие убийства о приглянувшееся дерево на мелкие части. Лиственница под ударами выстояла и ответила единственной сорвавшейся вниз шишкой; это послание угодило Леопольду прямо в темя, и он воспринял его как одобрение. Потом собрал винтовочные ошметки в тряпицу и снёс их в лесной овраг; после этого на душе его сделалось покойно и светло.

Про шишку я, понятное дело, сочинил, а вот история про винтовочку подлинная, потому что передавалась в роду Юрия Львовича из поколения в поколение, разве что обросла со временем подробностями.

Поправлялся Леопольд быстро. Осматриваясь на новом месте, обнаружил, что бабы в Сибири ничуть не хуже, чем в его родной Моравии. И с мужиками можно ладить, если сильно не задирать нос. В общем, решил он пока задержаться в чужой стране, а там, как говорится, видно будет, тем более что у себя дома он не оставил никаких сердечных дел и обязательств перед кем-либо. Но как позже выяснилось, задержался он навсегда. Окончательно выздоровев, женился на своей спасительнице и на удивление и радость всей деревни назвал родившегося сына Иваном; не могли знать деревенские, что имя Иван не было диковинным на родине Леопольда. После научил мужиков лечить простуду и прочую хворь горячим пивом, а через год бил белку в глаз не хуже сибиряков и стал в деревне своим человеком.

Натурализация его в образовавшейся вскоре Дальневосточной республике прошла на удивление гладко. Вот только фамилия его уж больно плохо ложилась на русское ухо и однажды при переписывании из одной канцелярской бумаги в другую трансформировалась чьей-то лёгкой рукой в «Яных» с нормальным сибирским окончанием и, как следствие, правильным ударением на нём же.

Иван вырос и назвал своего сына Лёвой, Леопольдом назвать в честь деда не отважился, легкомысленным казалось это имя на сибирских таёжных просторах. Лёва тоже вырос и назвал своего сына Юрием, так как выпало это событие на середину шестидесятых, когда родители видели своих сыновей исключительно будущими космонавтами. А Юрию Львовичу бог сыновей не дал, у него две дочери.

Кстати, отцу Юрия Львовича, Лёве как-то пришла в голову вздорная идея вернуться к исконной фамилии, а заодно и к правильному ударению. Но в Загсе его сумели отговорить от этой глупости, а с ударением предложили разобраться самостоятельно. С тех пор Лёва поправлял всех, кто искажал его фамилию неправильным ударением. Позже эту традицию подхватил его сын.

...О чём только я не успел передумать, поджидая шефа и пытаюсь согреться с помощью бесполезных телодвижений. Шеф опоздал на целых десять минут. Как только он остановился передо мной, я рывком распахнул дверь, рухнул в кресло и демонстративно включил подогрев сиденья.

– Извини, Иван, – сказал Юрий Львович, – ничего нельзя спланировать после того, как сел за руль. Поэтому, ты же знаешь, я стараюсь обходиться без машины.

Что можно было на это ответить? Он ведь не принялся учить меня, что надо теплее одеваться. Я засунул окоченевшие руки под ляжки и стал ждать, когда тепло салона проберёт меня как следует...

Контора нотариуса располагалась в старинном доме на одной из узких улочек центральной части города. Окна в доме были высокие, стены в толщину метровые, над входной дву-

створчатой дверью нависали барельефы в виде голов каких-то зверей. Их морды блестели коркой льда и свисающими сосульками.

Мы прошли с шефом через полутёмный тамбур и оказались в мрачном вестибюле. Где-то высоко над нами лязгнула железом дверь шахты, после громко хлопнули деревянные половинки двери кабины и, потрескивая, кабина тронулась с места. Было видно, как трос в шахте лифта мелко завибрировал от напряжения и побежал вверх, тускло переливаясь на слабом свете металлическими нитями. Затем за сеткой шахты показалась скользящая вниз чёрная дуга электрического кабеля и за ней – кабина лифта.

Мы не стали дожидаться её приземления и направились к двери с бронзовой табличкой. За дверью тянулся широкий коридор, служащий приёмной нотариуса. Вдоль стен на стульях сидели посетители. Я заметил нашу клиентку; она тоже нас увидела и поднялась навстречу.

До одиннадцати оставалось пятнадцать минут, но со слов бабы Кати все заинтересованные лица были уже в сборе. Это нас не удивило: трудно было представить себе человека, опаздывающего на раздел наследства богатого родственника, воля которого заранее неизвестна. Я нисколько не сомневался, что никто из них не выпался в эту ночь. В любом случае их ранний приезд был весьма кстати. По пути к нотариусу мы решили с шефом, что он выступит с краткой речью перед этими людьми, чтобы предупредить в последующем их недоумённые вопросы и возражения по поводу нашего желания встретиться с ними и поговорить. И сделает это до оглашения завещания, а не после, поскольку собрать их всех вместе после встречи с нотариусом будет значительно сложнее. Кроме того, Юрию Львовичу хотелось увидеть, как он выразился, их «коллективную и индивидуальную реакцию» на его слова.

Я обратился к сотруднику конторы, и он любезно предоставил в наше распоряжение переговорную комнату. Затем я попросил бабу Катю нам помочь, и за минуту она собрала всех вместе.

Кроме сына нашей старушки и какой-то женщины в розовой кофте и с газовым шарфиком на шее, все разместились за столом в центре комнаты. Александр сел в дальнем углу у окна, видимо показывая тем самым, что находится здесь лишь постольку, поскольку сопровождает свою мать. С противоположной стороны окна села дама с шарфиком. Я расположился у двери и отметил про себя, что не вижу молодого человека Юлии, с ним нам тоже хотелось познакомиться.

Шеф зашёл в комнату последним, закрыл за собой дверь и остался стоять. Все взоры с интересом обратились на него.

– Доброе утро, господа! – поздоровался он, обвёл всех внимательным взглядом и улыбнулся.

Никто из присутствующих не ответил на его приветствие, но это его ничуть не смутило.

– Я понимаю, вы в некотором недоумении. Сейчас я вам всё объясню.

Шеф поставил рядом со мной портфель. Затем снял пальто и положил его на стул. Я открыл портфель, заглянул внутрь, включил диктофон и незаметно достал его вместе с газетой и с нашими визитными карточками. Дождавшись моей готовности, шеф обратился к присутствующим.

– Меня зовут Юрий Львович **Яных**. Это господин Седых Иван Сергеевич, – представил он меня. – Мы частные детективные агенты. Нас наняла Свешникова Екатерина Леонидовна. Наша задача – расследовать обстоятельства смерти Светланы Леонидовны Ревун.

Крашеная блондинка, предположительно Елена Викторовна Ветрова, повернула голову и посмотрела на свою тётю, сидящую в торце стола спиной к окну. Остальные не сделали никаких движений, хотя, несомненно, были удивлены тем, что сказал шеф.

– Если вас интересуют документы, дающие нам право на занятие частной детективной практикой, я готов вам предоставить, – продолжил шеф, но его слова были встречены дружным молчанием. – Кроме того, я готов передать вам для ознакомления договор, заключённый

между агентством и госпожой Свешниковой. Если, конечно, вы не возражаете, – обратился он к нашей заказчице.

– Нет, не возражаю, – сказала она.

– Было бы любопытно на него взглянуть, – нарушил тишину мужчина с большими залысинами, длинными курчавыми баками и тревожными глазами на желтоватом нездоровом лице.

«Вот и первый голосок прорезался», – подумал я, глядя на Игоря Ветрова; мы с шефом до сих пор не знали его отчества.

– Зачем тебе это? – с упрёком спросила его крашеная блондинка, но он ничего ей не ответил.

Шеф достал из портфеля договор и положил его напротив господина Ветрова. Тот принялся его читать, а я тем временем, уже зная в лицо отца и мать, легко определил, кто из двух молодых женщин, сидящих друг напротив друга, их дочь Юлия и теперь неотрывно смотрел на её визави Полину.

Боже мой, до чего же она была хорошенькой... Почти без косметики, с ресницами-опалками, с умными приветливыми глазами, с розовыми пухлыми губами, с аккуратным носиком, с открытым лицом, обрамлённым завитками русых волос. Ей было лет двадцать пять. Я мысленно прибавил к тому, чем любовались мои глаза, её возможные миллионы, и сердце моё учащённо забилося, а мысли унесли бог весть куда...

Голос шефа вернул меня в контору нотариуса.

– Времени у нас немного, так что не будем дожидаться, когда господин Ветров дочитает договор, и продолжим.

Услышав свою фамилию, господин Ветров вздрогнул, оторвался от договора и с неприязнью посмотрел на Юрия Львовича.

Я знал, что сейчас шеф скажет самое главное, поэтому вынужденно оставил мечты, связанные с Полиной, и попытался охватить взглядом всех присутствующих. Юлия положила перед собой телефон и сосредоточенно его разглядывала; её измученное тональными кремами лицо, выглядывающее из светлого пушистого воротника пальто, было похоже на маску. Сбросив с себя куртку и скрестив руки на мощной груди, обтянутой свитером, сын бабы Кати изображал безразличие, хотя я готов был поспорить на что угодно, что он внимательно ловит каждое слово, произнесённое в комнате. Дама с шарфиком казалась спокойной, лишь периодически поправляла розовую кофточку с яркими аппликациями. Но лёгкий румянец на её щеках говорил о том, что на самом деле она взволнована.

– Хочу, чтобы вы все были в курсе промежуточного результата нашего расследования, – сказал Юрий Львович.

В комнате стало слышно, как Юлия постукивает ноготком по перламутровой крышке телефона.

– На основании фактов, которые нам удалось установить, мы предполагаем, что госпожа Ревун Светлана Леонидовна не умерла своей смертью, а была убита в ночь на тринадцатое января.

Дама с шарфиком ойкнула. Елена Викторовна Ветрова в растерянности закрутила головой, будто искала место, где можно было спастись от этой неприятной новости. Невозмутимый Александр опустил руки и, подавшись корпусом вперёд, опёрся на соседние стулья. Полина прикрыла рот тонкой рукой. Юлия вскинула голову в сторону нашей клиентки и воскликнула: «Ни фига себе!», словно адресовала этот возглас исключительно двоюродной бабке. Отец Юлии с возмущением спросил: «А мы тут при чём?» И только наша клиентка, с одобрением глядя на шефа, никак не отреагировала на его суровое заключение.

Всё произошло достаточно естественно. Меня озадачила лишь реакция Александра. Получалось, что мать не делилась с ним своими мыслями относительно смерти своей сестры и его тётки, и это показалось мне странным. И ещё я обратил внимание на вопрос господина

Ветрова. Вопрос вроде бы соответствовал ситуации и был задан с удивлением, но не по поводу самого факта убийства. И кого имел в виду господин Ветров под местоимением «мы»?

– Извините, – сказал шеф, обращаясь к даме с шарфиком. Он, как и я, давно понял, кто есть кто из присутствующих в комнате людей, и только эта дама оставалась нам пока незнакомой. – А вы... – деликатно продолжил он и остановился.

Лёгкий румянец на щеках дамы потемнел, и она с вызовом представилась:

– Я мать Полины. Этого вам достаточно, надеюсь?

Я перевёл взгляд на её дочь и подумал, что впредь нам с шефом надо быть внимательнее: у матери и дочери был одинаковый разрез глаз и чуть вздёрнутые тонкие носы.

– Вполне, более чем, – успокоил её Юрий Львович. – А вы? – обратился он к Александру, и тут я вспомнил, что в нашем офисе они не видели друг друга.

– Это сын... э... – я чуть было не повторил вчерашнюю ошибку шефа, – Екатерины Леонидовны, – ответил я за Александра.

– Спасибо, – поблагодарил меня шеф и обратился ко всем: – Господа! Всё, что станет нам известно и будет иметь отношение к преступлению, мы по завершении расследования сообщим официальным органам. В конечном счете, они будут заниматься этим делом. На данном же этапе мы с Иваном Сергеевичем просим вас оказывать нам содействие в раскрытии этого... в установлении причины смерти госпожи Ревун, – смягчил он формулировку.

– Каким образом? – несмело спросила Полина, и к её облику и возможным миллионам добавился ангельский голосок; в этот момент наши взгляды с ней ненадолго встретились и по её инициативе расстались; я вспомнил о парашюте и прикрыл его рукой.

– Ничего сложного. Мы просим вас не уклоняться от встреч с нами и правдиво отвечать на наши вопросы. Более ничего от вас не требуется.

– А если я не могу, если у меня неотложные дела? – наивно уточнила Полина.

И тут на помощь к ней пришёл господин Ветров.

– Девушка, не забивайте себе голову чепухой! Вы вообще можете с ними не общаться, если не хотите. Они же для нас просто частные лица, как любой прохожий на улице.

Это было далеко за гранью допустимого к нам отношения. Шеф выпятил нижнюю губу, что не предвещало ничего хорошего. Надо было немедленно поставить этого законника на место, а заодно просветить на будущее всех остальных.

– Уважаемая Полина, – зловещим голосом начал Юрий Львович, – господин Ветров Игорь... э... Как ваше отчество?

– Оно вам ни к чему, – с чувством превосходства ответил зять госпожи Ревун.

– Этот господин, – продолжил шеф в том же пугающем тоне, – абсолютно прав: вы можете не общаться с нами. Но я не рекомендую вам следовать его совету. Вероятно, произошло убийство. Вслушайтесь, пожалуйста, в это слово: «убийство». – Шеф не спеша оглядел всех. – Если мы с вашей помощью не продвинемся в его раскрытии, то вынуждены будем передать все материалы полиции. И, разумеется, расскажем следствию, как каждый из вас себя вёл. Они не будут, уважаемая Полина, уверяю вас, церемониться с вами. Вы будете ходить к ним на допросы как на работу и, между прочим, тогда, когда они вам скажут, невзирая на ваши неотложные дела. И можете не рассчитывать на их деликатность, ваша хрупкая натура будет травмирована их манерами.

– Не надо наговаривать на наши органы! – громко возмутился Ветров.

Я вынужден был ещё раз с интересом посмотреть на этого господина с кудрявыми бакенбардами и узкими желчными губами; он явно претендовал на звание профессионального провокатора.

– Что касается господина Ветрова... – Юрий Львович выждал паузу. – Ваше очевидное нежелание, господин Ветров, помогать расследованию обстоятельств смерти вашей тёщи вынуждает нас считать вас главным подозреваемым в том, что с ней произошло.

Ветров собрался было что-то выкрикнуть, но его опередила жена, успевшая накрыть его руку, взлетевшую в порыве негодования.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.